Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Филологический факультет
Кафедра романо-германской филологии

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Руководитель ООП
канд. филол. наук, доцент
_____ Д.А. Олицкая
«17» июня 2020 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 45.03.01. – Филология
Беккерман Александра Ильинична

Руководитель ВКР
доктор филол. наук, профессор
_____ Н.Е. Никонова
«22» июня 2020 г.

Автор работы
Студент группы №1365
_____ А.И. Беккерман

Томск-2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Филологический факультет
Кафедра романо-германской филологии

УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой РГФ
д-р. филол. наук, профессор
_____ Н.Е. Никонова
«2» 09 2019 г.

ЗАДАНИЕ
по подготовке выпускной квалификационной работы
студенту Беккерман Александре Ильиничне группы 1365

1. Тема выпускной квалификационной работы
«Польская литература в зеркале дореволюционной периодики регионов Российской Империи»
2. Срок сдачи студентом выполненной выпускной квалификационной работы:
а) на кафедре 20 июня 2020 г.
б) в ГАК 23 июня 2020 г.

3. Исходные данные к работе

2. Цели и задачи исследования
Цель работы: осмыслить особенности региональной рецепции творчества основных польских авторов (Г. Сенкевич, Э. Ожешко, М. Конопницкая, Г. Запольская).
Задачи работы:
1) Анализ центральной критической и издательской рецепции рассказов Сенкевича в России;
2) Компаративный анализ переводов Г. Сенкевича в сибирской дореволюционной периодике;
3) Создание подкорпуса польской женской прозы в дореволюционной периодике регионов Российской Империи;
4) Анализ рецепции творчества Э. Ожешко, М. Конопницкой и Г. Запольской.

Оценка достоверности результата обеспечивается опорой на авторитетные теоретические исследования и методологическую базу работ ведущих учёных, занимающихся данной проблематикой, а также репрезентативность проанализированного материала.
Промежуточные итоги исследования были представлены
1) в рамках работы в спецсеминаре кафедры РГФ 2018-2020 гг.;
2) в докладах на конференциях (Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» 2019 гг., Международная студенческая научно-практическая конференция «Иностранный язык и межкультурная коммуникация» 2019 г., Духовно-исторические чтения памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 2020 гг.);
3) в курсовой работе «Творчество Г. Сенкевича в зеркале дореволюционной периодики Сибири» (2019);

4) в следующих публикациях:

1) Беккерман А.И. «Эскизы углем» Г. Сенкевича в сибирской дореволюционной периодике / А.И. Беккерман // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. статей VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (8 февраля 2019 г.) / общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, С.А. Иванова, С.К. Пестерев ; Урал. федер. ун-т. – Ч. 2 : Современные проблемы изучения истории и теории литературы. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2019. – С. 126-130.

2) Беккерман А.И. Польский текст в сибирской дореволюционной периодике: к постановке проблемы / А.И. Беккерман // Иностранный язык и межкультурная коммуникация. Материалы XIII Международной студенческой научно-практической конференции (28 февраля 2019 г.) – Томск: ООО «Наука. Издательство. Полиграфия», 2019. – С. 15-21.

3) Беккерман А.И. Генрик Сенкевич на страницах томской периодики 1890–1910-х годов /А.И. Беккерман // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов V (XIX) Международной конференции молодых ученых (г. Томск, 18–20 апреля 2019 г.). – Томск : STT, 2020. – С. 284-285.

3. Методы исследования: литературоведческий анализ, переводоведческий анализ, индуктивный и дедуктивный метод, сопоставительный анализ, а также отдельные приемы для сбора и анализа материала: прием сплошной выборки, приемы интерпретации, обобщения и моделирования.

4. Краткое содержание работы: ВКР включает в себя введение, две главы, заключение, список использованной литературы и приложения.
Первая глава состоит из трех разделов. Первый из них посвящен исследованию критической и эдиционной истории Г. Сенкевича в центральной России с 1880х годов по настоящее время. Второй раздел представляет анализ трёх сибирских дореволюционных переводов рассказа “Lux in tenebris lucet”: перевод А. О. Станиславского 1891 года, перевод М.Б 1901 года и перевод Анной Горбатовской 1904 году. Третий раздел на материале трёх переводов рассказа «Эскизы углём» в сравнении с переводом, опубликованным в 1880 в «Отечественных записках», и переводом 1951 года под редакцией М. Рифтиной выявляются особенности сибирского перевода Е. Фукс 1904 года.
Вторая глава состоит из двух разделов. В первом очерчиваются границы корпуса польской женской литературы на страницах региональных изданий Российской Империи 1880х-1910х годов, выявляются наиболее частотные авторы, рассказы. Корпус включает в себя тексты, опубликованные на страницах газет «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», а также источники из изданий южных губерний Российской империи: «Южное обозрение» (Одесса, 1896-1906), «Одесские новости» (Одесса, 1884-1920), «Киевлянин» (Киев, 1898-1917), «Киевская мысль» (Киев, 1908-1916), «Южный телеграф» (Ростов-на-Дону, 1902-1916), «Приазовский край» (Ростов-на-Дону, 1891-1920). Второй раздел второй главы посвящен анализу рецепции на страницах этих газет наиболее популярных писательниц: Э. Ожешко, М. Конопницкой, Г. Запольской.

Список литературы включает в себя около восьмидесяти наименований.

Приложение включает в себя таблицу, освящающую эдиционную историю рассказов Г. Сенкевича с 1880х по 1990е годы, а так же библиографический список польской женской прозы на страницах дореволюционной региональной периодики Российской Империи.

5. Организация, по заданию которой выполняется работа: ТГУ, Филологический факультет, кафедра РГФ.

6. Дата выдачи задания: 2 сентября 2019 г.

Руководитель бакалаврской работы
Зав. кафедрой РГФ, д-р. филол. наук, профессор
_____ / Н.Е. Никонова/
Задание принял к исполнению 2 сентября 2019 г.
_____ /А.И. Беккерман/

Аннотация

Выпускная квалификационная работа «Польская литература в зеркале дореволюционной периодики регионов Российской Империи» проводится на материале переводческих и критических публикаций в дореволюционной периодике и имеет своей целью осмыслить особенности региональной рецепции творчества основных польских авторов (Г. Сенкевич, Э. Ожешко, М. Конопницкая, Г. Запольская). Исследование опирается на широкую теоретическую базу, представленную в списке использованной литературы, который состоит из восьмидесяти источников. Работа состоит из двух глав. В первой главе исследуется рецепция рассказов Г. Сенкевича в России, а затем в переводных рассказах в сибирской периодике 1890х-1910х годов. Вторая глава посвящена рецепции польской женской прозы в регионах Российской империи. В заключении представлены обобщающие выводы и описаны перспективы исследования.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ 3
Глава 1. Генрик Сенкевич на страницах провинциальной периодики Российской империи 9
1.1 Анализ критической и издательской рецепции Г. Сенкевича в России.....9
1.2 «Lux in tenebris lucet» в сибирских переводах 1890-1900хх годов 17
1.3 «Szkice węglem» в русских переводах конца xix – xx века.....24
Глава 2. Польская женская проза на страницах провинциальной периодики Российской империи 30
2.1 Анализ издательской рецепции польской женской прозы в дореволюционных региональных периодических изданиях: количественный аспект 30
2.2. Анализ издательской рецепции польской женской прозы в дореволюционных региональных периодических изданиях: качественный аспект 36
Произведения Элизы Ожешко в рецепции сибирских и южных дореволюционных периодических изданий 36
Произведения Марии Конопницкой в рецепции сибирских и южных дореволюционных периодических изданий 43
Произведения Габриэли Запольской в рецепции сибирских и южных дореволюционных периодических изданий 53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....57
ИСТОЧНИКИ.....61
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 66
ПРИЛОЖЕНИЕ.....71

ВВЕДЕНИЕ

Девятнадцатый век – время глобальных изменений и преобразований для Российской империи. Многочисленные реформы, проводимые из центральных регионов, на местах, в провинции, сталкивались с разрывом между менталитетом центра и окраин империи. В условиях глобальных изменений в России проявлялась потребность жителей периферии разобраться в важнейших событиях, понять причины происходящего. Зарождающееся самосознание жителей регионов находило отражение на страницах периодических изданий.

Региональная печать была способна отражать настроения и мнения общественности, но так же и направлять их. В зависимости от мнения, идеологической направленности редакции газеты подбирался материал для публикации, освещались современные исторические события. Периодическая печать провинции – это богатый источник для характеристики повседневной жизни общества.

Помимо новостей, текстов, затрагивающие актуальные проблемы сообщества, многие газеты публиковали тексты, относящиеся к литературе и искусству. Это были рассказы, стихи, длинные повести и романы, печатавшиеся на протяжении многих номеров, критические отзывы о литературных произведениях и течениях, театральных постановках, статьи к юбилеям писателей. Зачастую такого рода тексты публиковались в рубриках «Фельетон» и «Маленький фельетон», иногда имели свою рубрику как «Литературное обозрение». Такие рубрики имели своей целью воспитать литературный вкус провинциальных читателей, но так же и воспитать будущие поколения писателей, поставить свой голос.

Помимо местных или хорошо известных русских писателей в газетах публиковали переводную литературу, рецензии на произведения зарубежных писателей, постановки драм. Такие тексты либо перепечатывались из других, более крупных изданий, либо писались и переводились локальными

авторами. Критиками, переводчиками, публицистами создавался корпус текстов, связанный с иной культурой, и выстраивающий имагологическую парадигму «своего» и «чужого» в обход центральной рецепции. Регионы Российской империи в отношении к зарубежному, к «чужому», выстраивали свою локальную идентичность.

Материалом данного исследования является корпус текстов, имеющих отношение к польской литературе. Библиография зарубежной литературы в региональной периодике рубежа XIX-XX вв. была составлена по результатам работы кафедры романо-германской филологии ТГУ. Корпус включает в себя тексты, опубликованные на страницах газет «Сибирский вестник» (Томск, 1885-1905) и «Сибирская жизнь» (Томск, 1894-1919), а также издания южных губерний Российской империи: «Южное обозрение» (Одесса, 1896-1906), «Одесские новости» (Одесса, 1884-1920), «Киевлянин» (Киев, 1898-1917), «Киевская мысль» (Киев, 1908-1916), «Южный телеграф» (Ростов-на-Дону, 1902-1916), «Приазовский край» (Ростов-на-Дону, 1891-1920).

Наиболее обширно польская литература представлена в газетах «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», «Южное обозрение», «Одесские новости», «Киевлянин», «Южное обозрение», «Приазовский край». Всего насчитывается около четырехсот публикаций переводов и литературных обзоров.

По результатам последнего, третьего раздела в 1795 году Речь Посполитая перестала существовать как единое государство. Территория Польши была разделена между Пруссией, Россией и Австро-Венгрией на три части. Каждое государство по-своему проводило ассимилирующую политику, стремясь подавить дух поляков. Несмотря на это, национально-освободительное движение на протяжении всего XIX века стремилось вернуть автономию Польши, что привело к серии восстаний, одним из самых масштабных из которых было Январское восстание 1863-1864 годов, после

чего политика ассимиляции и притеснения польского населения только усилились.

Вторая половина XIX века в польской литературе – это время реалистического течения. Из среды новой интеллигенции выдвинулся слой молодых публицистов и писателей, выступавших под знаменем позитивизма. Осуждая традиции повстанческой борьбы за национальную независимость, позитивисты противопоставляли им идею экономического подъема Польши. С этим была связана программа «работы у основ» и теория «органического труда», сотрудничества всех слоев общества во имя развития промышленности, земледелия, торговли. На рубеже веков на смену приходят молодые авторы-модернисты, объединенные названием «Молодая Польша».

Литературный процесс Польши находит отражение на страницах региональной периодики, преломляясь через взгляд местных переводчиков и публицистов.

Объектом исследования являются литературно-критические материалы, посвященные польской литературе, а также переводы произведений польской литературы, выявленные в корпусе инонациональной литературы региональной периодики Российской империи.

Предметом исследования являются стратегии рецепции польской литературы в их взаимодействии с региональными издательскими стратегиями.

Цель данной работы: осмыслить особенности региональной рецепции творчества основных польских авторов (Г. Сенкевич, Э. Ожешко, М. Конопницкая, Г. Запольская).

Для достижения данной цели были предприняты следующие задачи:

1) Анализ центральной критической и издательской рецепции рассказов Сенкевича в России;

2) Компаративный анализ переводов Г. Сенкевича в сибирской дореволюционной периодике;

3) Создание подкорпуса польской женской прозы в дореволюционной периодике регионов Российской Империи;

4) Анализ рецепции творчества Э. Ожешко, М. Конопницкой и Г. Запольской.

И использованы следующие методы: литературоведческий анализ, переводоведческий анализ, индуктивный и дедуктивный метод, сопоставительный анализ, а также отдельные приемы для сбора и анализа материала: прием сплошной выборки, приемы интерпретации, обобщения и моделирования.

В настоящее время силами сотрудников кафедры романо-германской филологии НИ ТГУ достаточно основательно изучены стратегии рецепции английской, французской и немецкой литературы. Польская литература, хотя и представляет собой довольно значительную часть корпуса, изучена меньше. Этим объясняется актуальность данной научной работы.

На данный момент выпущена билингвальная хрестоматия «Переводы польской литературы в дореволюционной периодике Сибири»[1]. Хрестоматия содержит переводы литературно-художественных произведений польских писателей и поэтов, которые были опубликованы на страницах сибирских периодических изданий 1890–1911 гг. и выполнены местными авторами специально для них. Параллельно русским переводам представлены польские оригиналы сочинений Г. Сенкевича, Б. Пруса, М. Конопницкой, С. Жеромского, А. Шиманского, Г. Данилевского. В книге впервые комплексно представлена альтернативная рецепция инонациональной словесности, открывающая специфику регионального культурного сознания.

Восприятию польской литературы посвящена работа Н.Е. Никоновой, освещающая общие стратегии рецепции, деятельность отдельных переводчиков и критиков. Отличительной особенностью корпуса названо внимание к современной реалистической прозе. Её позитивистские

[1] Никонова Н.Е., Аблогина Е.В., Вишнякова Е.А., Серягина Ю.С. Переводы польской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019., – 238 с.

установки, некоторая назидательность коррелировали с программой областников по развитию культурной идентичности, воспитанию и образованию населения. Наследие представителей «Молодой Польши» не нашло такого отклика, как проза их предшественников, однако и они получили освещение в печати. Сравнение стратегий переводов А.О. Станиславского и И. Почекаса (Ивана Северного) позволяет понять важность творческих установок и личности субъекта региональной рецепции инонациональных традиций и тенденций в литературе. В статье намечены дальнейшие траектории исследования, которым следует данная работа.

Данная выпускная квалификационная работа состоит из двух глав, введения, заключения и приложений. Первая глава состоит из трех разделов. Первый из них посвящен исследованию критической и эдиционной истории Г. Сенкевича в центральной России с 1880х годов по настоящее время. Второй раздел представляет анализ трёх сибирских дореволюционных переводов рассказа “Lux in tenebris lucet”: перевод А. О. Станиславского 1891 года, перевод М.Б 1901 года и перевод Анной Горбатовской 1904 году. Третий раздел на материале трёх переводов рассказа «Эскизы углём» в сравнении с переводом, опубликованным в 1880 в «Отечественных записках», и переводом 1951 года под редакцией М. Рифтиной выявляются особенности сибирского перевода Е. Фукс 1904 года.

Вторая глава состоит из двух разделов. В первом очерчиваются границы корпуса польской женской литературы на страницах региональных изданий Российской Империи 1880х-1910х годов, выявляются наиболее частотные авторы, рассказы. Второй раздел второй главы посвящен анализу рецепции на страницах этих газет наиболее популярных писательниц: Э. Ожешко, М. Конопницкой, Г. Запольской.

Работа включает два приложения. Приложение А – библиографический список, освящающий эдиционную историю рассказов Г. Сенкевича с 1880х по 1990е годы, приложение Б – библиографический список польской

женской прозы на страницах дореволюционной региональной периодики Российской Империи.

Глава 1. Генрик Сенкевич на страницах провинциальной периодики Российской империи

1.1 Анализ критической и издательской рецепции Г. Сенкевича в России

В конце XIX – начале XX века Польская литература была чрезвычайно популярна в Российской Империи. «Нет ни одного более или менее талантливого польского писателя, произведения которого не переводились бы на русский язык, и о котором русская критика не сказала бы своего доброго слова. Произведения польских писателей переводятся немедленно после выхода их в свет, а некоторые, как нам известно, переводились даже с корректурных листов» – писал один русский критик[2].

Г. Сенкевич являлся одним из известнейших польских писателей. Автор петербургского журнала «Север» называет его одним из наиболее популярных романистов того времени и ставит в один ряд с такими персоналиями как Лев Толстой и Эмиль Золя[3]. В своей статье «Русская литературная критика второй половины XIX – начала XX в. о русско-польских отношениях» Е. Цыбенко рассматривает то, как русские критики писали о польских писателях в отношении России. Сенкевич в зеркале критики предстает одновременно писателем, близким к России и русской литературной традиции («О Сенкевиче русским читателям можно говорить почти как об отечественном писателе… и когда умирает Сенкевич, как будто умирает писатель, произведения которого не переводились, а писались на русском языке»), и в то же время, он – «символ современной Польши, ее самый яркий представитель, всеми признанный хранитель ценностей её духа, поэт ее прошлого»[4]. Такая двойственность свойственна взгляду на Польшу в принципе, она воспринималась как славянская страна, а значит, культура

[2] Евг. Б. Русско-польские литературные отношения // Неделя – 1885. – №45. – С. 154.

[3] Цыбенко Е. Русская литературная критика второй половины XIX - начала XX в. о русско-польских отношениях // Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – С. 83-92.

[4] Там же.

родная и близкая, и в то же время это была католическая страна, страна европейская, а значит – чужая культура.

Нет сомнений, что рассказы Сенкевича впервые были опубликованы в журнале или газете, но трудно сказать, где именно. Вероятно, это был журнал «Отечественные записки» от 1880 года, рассказ «Эскизы углем». Первая же обнаруженная нами книга рассказов Сенкевича датируется 1893 годом и выпущена в типографии журнала «Русская мысль». Основатель журнала и его редактор до 1906 года, В.М. Лавров, вырос в купеческой семье. Образованием его после третьего класса гимназии занимались демократически настроенные сестры и гувернёр-поляк, привившие ему любовь к польской литературе и сочувствие судьбе этой страны. В.М. Лавров считал популяризацию польской культуры важнейшей своей задачей и печатал на страницах «Русской мысли» переводы таких польских авторов как Г. Сенкевич, В. Гомулицкий, Э. Ожешко, М. Конопницкая, Б. Прус, К. Юноша, В. Серошевский, К. Тетмайер и другие[5].

Книгу «Повести и рассказы» предваряет предисловие В.А. Гольцева. Большую часть статьи он уделяет роману «Без догмата», затем кратко характеризует опубликованные рассказы. Они, по его мнению, свидетельствуют о неоспоримом таланте писателя, о многогранности его дарования «Ему в одинаковой мере доступны и польская жизнь несколько веков тому назад, и жизнь всех классов современного польского общества. Он с неподражаемым искусством рисует картины и быт чужих стран и своего отечества»[6].

Рассказы рассматриваются как доказательство разноплановости таланта Сенкевича, поэтому том с рассказами в шеститомном собрании сочинений 1898-1900 годов включает не только повести и рассказы, но и очерки, и даже драму. Однако самостоятельного значения они не имеют,

---

[5] Адельгейм И. «Сенкевич ближе к нашей литературе…» Вхождение романа «Без догмата» в круг чтения русского читателя // Nowa Panorama Literatury Polskiej [электрон. ресурс].

[6] Гольцев В.А. Предисловие // Сенкевич Г. Повести и рассказы [электрон. ресурс].

поэтому печатаются в основном в собраниях сочинений, приложениях к журналам («Вокруг света», «Живописное обозрение»), или в сериях (серия «Библиотека для семьи и школы» издательства «Юная Россия»), а не отдельными книгами

Иное мнение высказывает Куприн в своем эссе о творчестве Сенкевича. Он пишет, говоря о романном творчестве автора: «Но эти широкие и порою блестящие картины, в которых столько продуманности и мастерства, не могут затмить тех незатейливых, но задушевных и искрящихся бодрым юмором жанровых картинок, которыми он так удачно начал свою художественную деятельность и к которым по временам возвращается, отдыхая от более широких задач»[7].

Советская критика тоже отдавала предпочтение рассказам Сенкевича, однако по другим причинам. Цитируя статью из «Лиературной энциклопедии» 1935 г., повести Сенкевича транслировали «некоторое понимание положения крестьянских масс и сочувствие их страданиям», в то время как сюжеты романных произведений представлялись «законченной апологией польского шляхетского господства над порабощенной Украиной», главная цель которого – «укрепить хищнические вожделения крепнущей буржуазии и, обходя молчанием вопрос о вооруженной борьбе против царизма, прославить вооруженную борьбу польской шляхты против украинского крестьянства»[8].

Вероятно поэтому в период с 1918 по 1949 года издаются только рассказы Сенкевича, причем направленные, в основном, на детей. Это «Янко-музыкант», «В недрах Африки», «Вождь индейцев» в переводах различных авторов, наличие одного, канонического перевода, не наблюдается.

Следующее после 1914 издание рассказов Сенкевича, обнаруженное нами, появляется только в 1949 году, в Государственном издательстве

[7] Куприн А.И. Генрик Сенкевич // Пёстрая книга: (несобранное и забытое): [сборник] / А. И. Куприн; [сост., вступ. и примеч. Т. А. Каймановой]. — Пенза: [б.и.], 2015 (ОАО "Областной издательский центр") — С. 450-456.

[8] Висляк Я. , Малецкий А. , Г. Д. Польская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1929-1939. Т. 9. – М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. "Сов. Энцикл.", 1935. – С. 104-105.

художественной литературы. В сборник входят «Янко-музыкант», «За хлебом», «Эскизы углем», «Из дневника познаньского учителя» в переводах И. Добровольской и Е. Рифтиной. В 1951 году эти же переводы входят в издание Псковского газетно-книжного издательства под редакцией Е. Рифтиной.

В 1957 году в Государственном издательстве художественной литературы выходит следующее издание повестей и рассказов. Их количество увеличивается с четырех до 16, помимо уже упомянутых это «Нет пророка в своем отечестве», «Старый слуга», «Ганя», драма «Комедия ошибок», «В прериях», «Ангел», «Орсо», «На маяке», «Бартек-победитель», «Сахем», «Органист из Пониклы», «Журавли». Примечательно, что уже изданные советских переводах «Эскизы углём», «За хлебом» и др., появляются в этом издании в других переводах: «Янко-музыкант», несмотря на обилие переводов 1920х-1940х годов представлен в переводе В.Г. Короленко, рассказ «За хлебом» – в переводе М. Вальдена. М. де Вальден переводил Сенкевича в конце 19 – начале 20 века для петербургского издательства «Электропечатня», также, сотрудничая с периодическими изданиями, переводил и других польских авторов. Является ли текст в издании 1957-ого года перепечатанным переводом М. де Вальдена, установить пока не удалось.

Послесловие к книге написал Игорь Александрович Сац, литературный секретарь Луначарского. Начинает он с оценок романного творчества Сенкевича такими именитыми писателями, как Чехов и Толстой. Подводя итог сравнению точек зрений именитых литераторов, он не склоняется ни к одной из позиций, но делает вывод: «…Чехов, несомненно, не был вовсе неправ, как же мог проницательный и суровый Толстой не заметить слабых сторон Сенкевича? Не заметить их он не мог. Но он, очевидно, пренебрег тем слабым, поверхностным, отсталым, что есть у Сенкевича, ради того

правдивого, значительного и человечного, что дают сочинения этого польского писателя»[9].

В похожем тоне выдержана вся рецензия. Сац, признавая за Сенкевичем художественные способности и идеологические неудачи, приводит все рассказы к одному вопросу: как жить, кто может помочь Польше? Считалось, что Сенкевич видел в шляхетстве спасение родины; Сац, анализируя рассказы, приходит к мысли: «Неверно думать о Сенкевиче как о сознательном защитнике (или, как иногда выражаются, «литературном представителе») эгоистических классовых интересов шляхетства. Он обращался к этому сословию в поисках – кто же может помочь народу, крестьянству? И всякий раз, несмотря на свое горячее желание увидеть все лучшее, приходил к выводу: некому помочь». Такое же бессилие Сац приписывает в рассказах Сенкевича роли религии, эмиграции. Сац пишет: «отказавшись от «позитивизма», он (Сенкевич) не нашел взамен ничего другого; а чтобы уйти от скептицизма и отчаяния, скроил себе реакционное «мировоззрение» из зауряднейшего консерватизма». Разумеется, по мнению автора послесловия, Сенкевича бы спасло обращение к революционно-настроенному пролетариату, но «ум Сенкевича, закосневший в период тяжкого безвременья, не оказался способным ожить и обновиться, когда этому периоду пришел конец».

Жалея Сенкевича за неспособность идеологически верно понять революционные события 1905-ого года, он, тем не менее, не ставит на нём крест. В жизнелюбии, в юморе Сенкевича видится ему качества, которые искупают идеологическую слепоту писателя. Завершает Сац послесловие несомненно похвальной характеристикой: «В образах людей из народа Сенкевич видит (особенно, у женщин) ту человечность, которую не может загрязнить грязь эксплуататорского общества, не может истребить

[9] Сац И. А. Рассказы и повести Сенкевича // Сенкевич Г. Рассказы и повести [электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://litresp.ru/chitat/ru/C/sac-i-a/rasskazi-i-povesti-senkevicha (03.05.19)

иссушающее душу и убивающее тело воздействие феодального и капиталистического рабства. Сила народа, которую Сенкевич не понял в своих социально-политических размышлениях, отразилась в его реалистических художественных образах».

На двадцать с лишним лет наступает перерыв в изданиях рассказов, а затем в 1980х-1990х годах происходит всплеск публикаций. В Москве, Ярославле и Туле выходят четыре различных собрания сочинений: в восьми, десяти и девяти томах. Кроме этого в 1989 году в издательстве «Правда» выходит книга, объединяющая «Без догмата» и некоторые рассказы (тоже часть б*о*льшей серии). К этому изданию, а так же к первому тому десятитомного собрания сочинений (Москва, 1983-1985) предисловие написал Б.Ф. Стахеев, ученый-полонист.

Статья является предисловием ко всему собранию сочинений, поэтому большая её часть посвящена романному творчеству Сенкевича, рассказам и повестям уделена приблизительно четверть. Отдавая дань, как все советские критики, критике идеологической составляющей произведений Сенкевича («Идейный облик писателя был неоднозначен и противоречив, претерпевал изменения, испытывал возрастающее влияние социального консерватизма, ослаблявшего подчас — в большей или меньшей степени — общественное значение его произведений»[10]), он признает за ним художественное мастерство.

Рассказы Сенкевича, созданные до 1882 года, принадлежат, по мнению Стахеева, к числу лучших его достижений в этом жанре, однако, как и его очерки и заметки, являются школой литературного мастерства, находки которой писатель будет использовать в своем романном творчестве. Стахеев группирует их тематически, разделяя на рассказы о крестьянской жизни, жизни шляхты, жизни эмигрантов и описание путешествий.

---

[10] Стахеев Б. Генрик Сенкевич // Сенкевич Г. Собрание сочинений в 10 т. –Т. 1. - М., Художественная литература, 1983. – С. 7-40.

Стахеев, как исследователь польской литературы, вписывает Сенкевича в общий контекст, говоря, что тот расцвет польского реалистического рассказа, который приходится на последнюю треть XIX века, наступил при весьма заметном участии и влиянии Сенкевича-новеллиста. Он приводит цитату С. Жеромского о прозе Сенкевича: «Кто пережил ее влияние в молодости, тот должен признать, что на фоне тогдашнего писательского искусства это было новое слово, иное, собственное, извлеченное из просторечия, из повседневного языка шляхты, горожан и крестьян».

После 1990х годов изданий рассказов Сенкевича нами обнаружено не было, однако продолжается издание романов. На сегодня Сенкевич, пожалуй, один из самых известных польских авторов, один из символов польской литературы.

Романное творчество всегда играло большую роль в восприятии писателя. Рассказы и повести же рассматривались как доказательство разноплановости таланта Сенкевича, его школа литературного мастерства или этап поиска идеи, которая стала бы центральной для его творчества. Редкими критиками рассказы Сенкевича рассматриваются как равноценные, подчас даже более удачные произведения.

С рассказов начинается издание Сенкевича в России, большую роль в этом играют журналы и газеты дореволюционного периода, однако точную хронологию этого процесса еще предстоит установить. После нескольких разрозненных сборников рассказы начинают входить в собрания сочинений писателя как доказательство многогранности его мастерства. После революции рассказы Сенкевича печатаются в основном с адресацией юному читателю. Это либо познавательные рассказы вроде «В прериях», либо идеологически-полезные, как «Янко-музыкант» и «Бартек-победитель». Ситуация меняется во второй половине века, когда всё больше рассказов Сенкевича входят в печать, пусть и с должной идеологической критикой. Результатом послевоенного возвращения к Сенкевичу становятся собрания

сочинений, выходившие в 1980х-1990х годах, подводящие некоторые итоги в русском освоении Сенкевича.

Вернёмся к интересующему нас периоду до 1917 года. Для того чтобы понять, какие рассказы вызывали наибольший интерес для центральной аудитории и переводчиков, на основе пяти изданий рассказов (Русская мысль, 1893; Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1898; Электропечатня, 1902; Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914; Юная Россия, 1914) была составлена таблица, подсчитывающая количество публикаций рассказа. Таким образом, было выяснено, что самые популярные рассказы – «Янко-музыкант», «Старый слуга», «Пойдем за ним» (4 публикации). Следом идут «Та третья», «Ганя», «Бартек-победитель», «Эскизы углём», «Ангел», «Фонарщик на маяке» (3 публикации). Ситуация в сибирской периодике противоположна. Из вышеперечисленных рассказов, единожды переведен рассказ «Эскизы углём», рассказ же, которому в сибирской периодике уделено больше всего внимания – «Lux in tenebris lucet», появляется в центральной печати всего единожды, как и рассказы «Две долины», «Будь благословенна!», «На Олимпе». Из этого можно сделать вывод, что томская периодика дополняет центральную рецепцию, акцентируя внимание на том, что интересно ей.

Южные регионы также скорее дополняют центральную рецепцию, публикуя такие рассказы как «Органист из Пониклы», «Звонарь», «Две долины», «Благословенна». Различен подход украинских изданий и изданий ростовских: «Приазовский край», «Южный телеграф», «Южное обозрение» активно публикуют различные рассказы Г. Сенкевича, в то время как «Киевлянин», газета анти-польской направленности, публикует всего один рассказ. «Одесские новости» хоть и по другой причине, также не спешат публиковать Г. Сенкевича. Критики «Новостей» обвиняют писателя в национализме, мещанской морали, и только с выходом романа «Quo Vadis» начинают благосклонно отзываться о творчестве писателя.

1.2 «Lux in tenebris lucet» в сибирских переводах 1890-1900хх годов

Рассказ «Свет во мраке сияет» был дважды опубликован в «Сибирском вестнике»: в 1891 в переводе А. О. Станиславского[11] и в 1901 году в переводе М.Б. В 1904 году на страницах журнала «Сибирский наблюдатель» был опубликован ещё один перевод этого рассказа, выполненный Анной Горбатовской[12].

Герой рассказа, скульптор Камионка, тяжело болен. Автор рассказывает о жизни и характере его: он замкнут, скуп, раздражителен, но при этом честен с собой, с искусством и другими. Он искренне любил свою почившую двадцать лет назад жену, многие его странности вытекают из этого. В один день присматривающая за больным привратница предлагает ему нанять сиделку. Он не соглашается, но чем больше размышляет об этом, тем больше ему нравится идея. Камионка в этот момент “воскресает” как Лазарь, в его унылом существовании, кажется ему, снова возможно счастье. С такими мыслями он засыпает, а наутро видит у себя сиделку. Он не знает, как она вошла, но в силуэте её чудится ему что-то знакомое. Наконец, он узнает в ней свою жену Зосю. Камионка умирает, и всё заливается светом.

Название рассказа является цитатой из евангелия от Иоанна, которая в русском переводе звучит так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него на́чало быть, и без Него ничто не на́чало быть, что на́чало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». «Свет» и «тьма» становятся основной оппозицией в рассказе, воплощаясь в образы ясной погоды и погоды туманной, пасмурной. Плохая погода в повествовании связана с унынием Камионки: у него нет сил умереть, но нет

---

[11] Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1891. – № 21. – С. 2-3. Далее тексты из данного источника цитируются в скобках по тексту с сокращением «СВ», указанием номера и страницы.

[12] Lux in tenebris lucet : (из новелл Сенкевича). // Сибирский наблюдатель. — 1904. — №4 – С. 48-54. Подпись: Анна Горб-ая Далее тексты из данного источника цитируются в скобках по тексту с сокращением «СН», указанием номера и страницы.

решимости жить дальше. Свет появляется в рассказе только после того как герой обретает надежду на некоторое улучшение, некую веру в будущее. Эта надежда и вера, пробуждение души и его неугасавшая любовь к жене становятся проводником Камионки в легкую смерть и встречу со своей любимой.

Как уже было сказано, рассказ «Lux un tenebris lucet» появлялся в сибирской периодике трижды, что существенно превышает количество публикаций этого рассказа в центральных источниках, которые мы нашли. Имеет смысл начать анализ переводов с фигур вышеупомянутых переводчиков.

Автор версии 1904 года, Анна Горбатовская, помимо исследуемого рассказа опубликовала в №1 «Сибирской жизни» за 1899 год перевод рассказа «Под Новый год», тоже с польского. Помимо этого о ней почти ничего неизвестно. Можно предположить, однако, что она является женой Юлиана Осиповича Горбатовского, публициста. Уроженец Могилёвской губернии, Горбатовский начал карьеру в Смоленске, публикуясь в «Смоленском вестнике» и «на страницах столичной газеты «Русь», издававшейся Пароховщиковым»[13] (вероятно, имелась в виду «Русская жизнь» предпринимателя Пороховщикова, в 1895 году закрытая по соображениям цензуры). В 1895 году Горбатовский оказывается в Томской губернии, а в 1897 и в самом Томске, где он познакомился с П.И. Макушиным и стал, по его словам, «близким, своим человеком в редакции «Сибирской жизни»«[14]. Томск он покинул в 1902 году, после этого, предположительно, жил в Таре, пока в 1906 году не попал в Иркутск, а затем в Читу, где прожил до самой смерти. Горбатовский имел дочь, а нераспространенность в наших местах фамилии указывает на возможное родство Юлиана и Анны.

---

[13] Горбатовский Ю.О. Прощай, читатель! // Забайкальская новь : [ежедн. обществ.-полит., экон. и лит. газ.]. – 1917. - №2755 – С. 1.

[14] Там же.

Артур Оскарович Станиславский, автор перевода 1891 года – этнический поляк, участник восстания 1863 года. Спасаясь от преследований, он бежал сначала в Германию, затем во Францию. Вернувшись в Россию, работал на каменноугольных копях в Екатеринославской губернии, на Урале, на Алтае и в томской контрольной палате. В томской периодике опубликовано 40 переводов его авторства с французского и 5 с польского. Н.Е. Никонова в своей статье «Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И. И. Почекас, П. А. Грабовский, А. О. Станиславский и П. Л. Черневич)» с уверенностью говорит о заглавной роли А. Станиславского в организации межкультурного трансфера, просветительской деятельности и формировании стратегии «Сибирского вестника» как печатного органа[15].

В своих переводах с французского А. Станиславский придерживается реалистической трактовки сюжетов, выбирая рассказы с иронической доминантой, психологические детективные рассказы, которые воспроизводят образы современников, понятные томскому читателю. Он концентрируется на передаче сюжета, снимает трудности восприятия, связанные с передачей иностранных реалий и имен[16]. Также он поступает и по отношению к польским текстам: фамилия главного героя, Камионка, становится фамилией Каменка, Зося, имя его жены, заменяется на Соня.

Криптоним «М.Б.» в исследуемом нами корпусе фигурирует только три раза, все из них – в 1901 году. Помимо исследуемого перевода, это перевод из О. Блюменталя. Так как перевод Сенкевича был выполнен по немецкому тексту, можно предположить, учитывая ориентацию переводчика на немецкую культуру, появление в этом тексте особенностей, присущих

[15] Никонова Н.Е., Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И. И. Почекас, П. А. Грабовский, А. О. Станиславский и П. Л. Черневич)// Имагология и компаративистика – 2018. – №9. – С. 30-52.

[16] Никонова Н.Е., Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И. И. Почекас, П. А. Грабовский, А. О. Станиславский и П. Л. Черневич)// Имагология и компаративистика – 2018. – №9. – С. 30-52.

немецкому корпусу сибирской периодики, как, например, тяга к романтическим, назидательно-философским произведениям.

Также М.Б. опубликована заметка «Два слова», в которой он(а) зовет просвещенную общественность на вечер, посвященный И.С. Никитину. С большим чувством высказывается автор о поэте: «Жизнь и поэзия Ивана Саввича Никитина полны самой грустной печали, жизнь не дала ему ни одной розы, а поэзию его наполнила безысходной тоской по вековечному, неумирающему идеалу правды.

Пусть же после смерти скорбный поэт найдет у людей уважение к своему бессмертию!» (СВ, 1901 № 222, С. 2).

Эта интонация прослеживается и в переводе рассказа. Пиетет переводчика к фигуре поэта, творца, выражается в смене названия. Второй перевод озаглавлен «Художник», оригинальное название перемещается в эпиграф. Усиление эмоционального воздействия текста достигается разными средствами. Сравним:

«W kącie stało łóżko pokryte kołdrą starą i pomiętą, przy niem szafka nocna z żelaznym lichtarzem. Kamionka przez oszczędność nie trzymał osobnego mieszkania i sypiał w pracowni»[17].

«В углу стояла кровать, прикрытая старым измятым одеялом, возле неё ночной столик *с железным подсвечником.* Из-за экономии Каменко не нанимал отдельной квартиры и жил в мастерской» (СВ, 1891 № 21, С. 2).

«Задний уголок комнаты занимала постель со сдернутым одеялом. **Несчастный** Камионка отказался иметь её в своём частном жилище».

В переводе М.Б. мы видим появление экспрессивных эпитетов («несчастный»), пропадают детали быта (железный подсвечник). Пропадает из текста второе окно в мастерской Камионки. Оно сохранено в переводах Станиславского и Горбатовской: «В углу стояла кровать, покрытая старым одеялом, около неё шкафчик с железным подсвечником. Каменка, ради

[17] Здесь и далее оригинал на польском цитируется по Sienkiewicz H. Lux in tenebris lucet //Wikiźródła: wolna biblioteka [электрон. ресурс].

экономии, не имел особой комнаты и спал в мастерской… Другое, тоже большое окно настолько загрязнено, что даже в ясные дни свет слабо проникал через него» (СН, 1904 №4, С. 48).

Часто в переводе М.Б. используется возвышенная лексика там, где Сенкевич говорит просто: «Próżno żywym mówić, że dla umarłych wszystko jedno w jakich grobach leżą. Kamionka chciał, by jego Zosi było tam pięknie…», Станиславский переводит: «Напрасно говорить живым, что мертвым всё равно под какими могилами они покоятся. Каменко хотел, чтобы хорошо там было Сонечке…» (СВ, 1891 № 21, С. 2)., Горбатовская почти дословна: «Напрасно живые говорят, что для мертвых безразлично, в каких гробах покоиться. Каменка хотело, чтобы его Зосе было там как можно лучше…» (СН, 1904 №4, С. 50). М.Б. использует возвышенную лексику: «Часто говорят, что мертвые не спрашивают, как выглядит их последнее жилище; Камионка хотел выстроить чудное жилище для своей дорогой почившей…» (СВ, 1901 № 222, С. 2)..

Ещё один прием, используемый М.Б., это членение на абзацы. Для усиления воздействия, абзацы, в оригинале бывшие единым целом, в переводе разбиваются на несколько меньших. Абзацы могут состоять из одного предложения: «Он начал строить мавзолей для своей жены», «Человек был разбит, но художник остался, чтобы жить искусством» (СВ, 1901 № 222, С. 2).

М.Б. в переводе игнорирует сравнение человека с камнем: «Отношения между людьми должны иметь какую-то общую, среднюю норму, почему исключительно несчастные люди вычеркиваются из жизни. Поэтому они затягиваются чудачествами и собственными недостатками, как зарастает мхом камень, выброшенный из потока и переставший обтираться о другие камни» (СВ, 1891 № 21, С. 2). Убирает его из текста и Горбатовская. Станиславский же не только оставляет фрагмент про камень, но и добавляет к описанию состояния героя свой образ ползучего растения: «Когда жена умерла, вся жизнь Каменко, все его думы обвились кругом воспоминаний о

ней; из этих воспоминаний они черпали пищу, как ее черпает ползучее растение из пня, на котором оно живет. Но из подобного источника растение может добывать для себя лишь отравленные соки, составленные из сожаления и отчаяния, почему и Каменко отравлялся, корчился и погибал» (СВ, 1891 № 21, С. 2). Сравнения подводят итог социальным наблюдениям Сенкевича и раскрывают образ главного героя не как художника, но как человека, переживающего смерть близкого.

Сенкевич рисует психологический портрет художника: описание внутренней жизни Камионки, его состояния, занимает почти половину текста. В этом контексте, на мой взгляд, важна фраза: «mgła taka, że człowiek człowieka nie widzi». Рассказ неоднократно подчеркивает, чего люди в герое не замечают: люди не думают, что натуры холодные могут страстно любить, что его набожность происходит от любви к жене, какие отношения существуют между искусством и художником. Эта фраза теряется в переводе М.Б., и рассказ теряет в психологической глубине.

Особенностью перевода Горбатовской является обилие интерференции. Это становится особенно заметно в сравнении с другими переводами. Там, где оба других текста переводят Natury как «Люди», переводчица оставляет «Натуры», уже упомянутое «grob», означающее могилу, она переводит как «гроб». Можно предположить, что переводчица не так свободно владела одним из рабочих языков.

В свете всего сказанного перевод 1901 года представляется более возвышенно-восторженным. Соответствующее настроение задает занимающий центральное место образ художника, а точнее не образ художника, но романтические представления о нем переводчика. Не удастся выяснить, к сожалению, в какой момент произошла трансформация текста: при переводе с польского на немецкий или с немецкого на русский. Переводы Горбатовской и Станиславского более близки к тексту. На А. Станиславском лежала ответственная задача: его перевод – первое появление на страницах сибирской периодики польской литературы, поэтому

он старается не отклоняться от текста оригинала, но меняет имена на более знакомые читателю.

Появление рассказа в печати трижды говорит о глубокой актуальности произведений Сенкевича для программы сибирского областничества. Маловероятно, что точкой притяжения выступает образ художника – в конце концов, рассказ «Та третья», героями которого выступают два живописца, на страницах томских газет не публиковался. Важным для программы областничества была дидактическая функция литературы, воспитание читателя, будущих поколений томской интеллигенции. Гуманистический пафос рассказа, некоторый оптимизм Сенкевича, отразившийся в нем, думается, являлись тем, что вело переводчиков к этому тексту.

1.3 «Szkice węglem» в русских переводах конца xix – xx века

Повесть «Szkice węglem» издана Г. Сенкевичем в 1877 году в варшавской газете «Przegląd Tygodniowy Życia Społecznego, Literatury i Sztuk Pięknych». Сюжет повести строится вокруг личности пана Жолзикевича, гминного писаря. Он «имеет аппетит» к Марысе, жене крестьянина Репы. Чтобы добиться её, Жолзикевич затевает аферу: Репу подпаивают и под видом просьбы о передаче леса крестьянам заставляют подписать контракт на военную службу. Муж и жена идут в суд, но заседание ведет тот же Жолзикевич, и им приходится уйти ни с чем. Репиха обходит всех, кто мог бы помочь в их горе – от священника до управления столицы повята, но ни у кого не находит помощи. Она возвращается домой и, в отчаянии, идет на сделку с Жолзикевичем. Но он надругался над ней, не отдав обещанный договор Репы. Вернувшись домой, она встречается с мужем, и тот убивает её, а следом поджигает помещичью усадьбу.

Сенкевич предельно прозрачен в своих симпатиях. Он не идеализирует крестьянство: Репа выпивает, резок в словах, поступки его не обдуманы, однако в крестьянской женщине – Марысе – видит он высокий, многострадальный образ – возможно, метафорически, это образ Польши. В несчастиях крестьянской четы Сенкевич винит не их, но интеллигенцию, шляхетство, которые не вмешиваются в проблемы народа, живут сами по себе, заботясь только о своём благополучии. Благодаря их нейтралитету, такие как Жолзикевич безнаказанно дурят народ. Именно Жолзкевича автор выводит главным героем, иронично восхищаясь масштабом фигуры великой личности.

В 1880 году рассказ появился в «Отечественных записках» без указания переводчика, но с подписью, утверждающей, что автор этих эскизов, Сенкевич, принадлежит к числу талантливейших современных

польских писателей[18]. Это, вероятно, одно из первых вхождений Сенкевича в круг чтения российских читателей.

В сибирской периодике «Эскизы углем» появились в «Сибирской жизни» от 1904 года в переводе Е.В. Фукс с подзаголовком «Картинки с натуры» (СЖ, 1904, № 133, 140, 143, 147, 152, 156.). Подзаголовок вписывается в своеобразную традицию обозначения жанровой специфики малой прозы в литературной периодике и передает установку Сенкевича на реалистическое повествование.

Третий перевод «Эскизов углем», взятый для сравнения, был выпущен в 1951 году в сборнике рассказов Г. Сенкевича Псковским газетно-книжным издательством. Перевод выполнен под редакцией Е.М. Рифтиной.

Рассказ состоит из 9 глав и эпилога. Каждая глава имеет подзаголовок, который каким-либо образом предвосхищает её события. Так, первая глава имеет подзаголовок «W którym zabieramy znajomość z bohaterami i zaczynamy się spodziewać, że coś więcéj nastąpi». Примечательным здесь является слово «bohater», обозначающее литературного героя. В следующем подзаголовке мы встречает слово «osoby», которое, помимо значения «лица», имеет значение «персонажи». Только перевод 1880 года следует этой линии, переводя «niektóre inne osoby» как «другие действующие лица». Меж тем, тема театральности не раз поднимается в рассказе. В тексте подзаголовков глав с шестой по девятую, повествующей о мытарствах героини, Сенкевич сопоставляет Марысю с шекспировской Имогеной. Это возвышает образ героини, но, в совокупности с театральными аллюзиями в первых подзаголовках, добавляет некоторой условности описываемым событиям. Подзаголовки создают разрыв нарратива, что добавляет дистанцию между читателем и персонажами. С другой стороны, добавленная дистанция заполнена авторским началом и его отношением к происходящему. Это дает возможность играть с читательскими ожиданиями, как поступает переводчик

[18] Сенкевич Г. Эскизы углемъ // Отечественные записки. – 1880. – № 6.

1880 года в подзаголовке «Skończona niedola». В этой главе Репиха возвращается от Жолзикевича, рассказывает Репе, что тот над ней надругался, и Репа её убивает. Смерть видится переводчику единственным вариантом избавления от страдания, и он переводит подзаголовок как «Спасена», что намекает на счастливое для героини разрешение ситуации.

Обратим внимание на имена героев. В оригинале героиню зовут Марыся (Мария), но Е. Фукс изменяет имя на Катерина. Имя, во-первых, всё ещё близко польскому аналогу «Катаржина», а во-вторых, в традиции русской литературы напоминает о Катерине из «Грозы» Островского. Героинь сближает сильный характер, обе они отстаивают свое право на счастье с любимым в социальных обстоятельствах, препятствующих этому счастью. Перевод 1880 года меняет имя героини на Мария, русифицируя его (в тексте героиню называют также на русский манер «Машутка», «Машечка»). В то же время, образ героини оказывается связан с образом девы Марии, очень важным для Польши. Но перевод 1880 года русифицирует и имя героя, меняя его с Вавжон на Лаврентий (этим же путём последует Ф.В. Домбровский, переводя «Эскизы…» для собрания сочинений 1898хх-1900хх годов).

Как элемент изображения народа в рассказе безусловно интересен фрагмент народной песни, которую поёт Репа. Это польско-украинская народная песня о комаре и мухе (послужившая, вероятно, в одном из вариантов источником для «Мухи-цокотухи» К.И. Чуковского). В песне комар падает с дерева и ломает спину, к нему прилетает муха и спрашивает, не нужен ли ему доктор. Доктор комару не нужен, ему нужна лопата и мотыга. На этом фрагмент песни, приведённый в рассказе, заканчивается. Перевод 1904 года обрывается чуть раньше, не включая слова про мотыгу и лопату. Переводчик «Отечественных записок» логически развивает мысль, думая, зачем комару нужны инструменты: «Ой, не надо доктора!//Соберись ты, муха, с силой,//Вырой мне живей могилу!». Это эксплицирует содержание песни для читателей, но и настраивает на минорный лад, в песне

отсутствует оптимизм, а в рассказе – какая либо идеализация крестьянской жизни. Советский перевод этих строк выглядит так: «Докторов мне не надо//Ни лекарства, ни вату,//Мне б соху да лопату». Не происходит экспликации содержания для читателей, более того, становится возможной интерпретация, в которой труд для крестьянина является лучшим лекарством. Мотыга и лопата – инструменты для рытья земли, соха – орудие пахаря, неразрывно связанное с образом крестьянина-труженика. Двусложный хорей оригинала сменяется в советском переводе трехсложным анапестом, вместо еле живой мухи появляются «мушка-вострушка», уменьшительно-ласкательные формы слов («комарик», «ушко»). Вероятно, переводчица пытается перевести песню в соответствии со своими представлениями о том, какой должна быть народная песня.

На лексическом уровне основная разница между переводами дореволюционными и переводом 1951 годов состоит в переводе реалий польской деревни конца девятнадцатого века. Почти полностью в советском переводе пропадают реалии местного самоуправления: гмина превращается в волость, лавник – в более общее «гласный». Интересен перевод названия административной единицы «повят»: переводчицы 1904 и 1951 года адаптируют название, но в советском варианте это съезд, а в дореволюционном – управление или уезд.

Любопытен перевод реплики Репы «Podpalićby ich!». Два текста переводят «поджечь бы их», а перевод 1880 года использует вместо этого выражение «пустить красного петуха». Идиома, получившая распространение во времена крестьянских восстаний на Руси, была в ходу в 1870х-1890х годах. Переводчик мог счесть её более употребительным, характерным для крестьянского языка вариантом.

В повести «Эскизы углём» Сенкевич поднимает проблему пренебрежения интеллигенцией судьбой крестьян и – в более широком смысле – судьбой страны. Направленность произведения на образованного читателя выражена, к примеру, в отсылках к шекспировским сюжетам, как

хорошо известным («Ромео и Джульетта»), так и менее популярным («Цимбелин»). Реминисценции сохранены во всех переводах, во всех же переводах сохранены фрагменты текста, в которых Сенкевич иронично (в сцене суда) или напрямую (в сцене встречи Репихи с помещиком Скорабевским) описывает позицию образованных и наделённых властью людей относительно вмешательства в дела народа.

В переводе Фукс конец повести опущен, у истории нет развязки. Причиной этого можно считать замысел переводчицы. Текст мог подвергнуться б*о*льшим сокращениям, однако удалены только три фрагмента: упоминание засиженных мухами иконы и распятия, висящих на стене в канцелярии войта гмины, строка, намекающая на эротические фантазии персонажа («Мечты унесли Золзикевича к самым отдаленным последствиям этого рукопожатия, но уж таких сокровенных тайн его сердца мы раскрывать не будем», перевод М. Рифтовой) и описание католической церемонии приношения Даров. Переводчица избегает таким образом и натуралистических описаний, не передав фрагменты о мытарствах бедной Репихи, мрачном отчаянии её мужа и, наконец, убийстве героини.

Но в укороченном переводе Е. Фукс отсутствует эпилог, в котором Сенкевич, показав, к чему приводит описанное положение, пишет: «А теперь я скажу вам кое-что на ушко, милые читатели. Репу не взяли бы в солдаты. Условия, написанного в корчме, было недостаточно. Но, видите ли, мужики в таких делах мало смыслят, а интеллигенция, благодаря своей нейтральности, тоже немногим больше, и следовательно… следовательно, Золзикевич, который всё это понимал, мог твердо рассчитывать, что дело, наверное, затянется, и страх бросит женщину в его объятия». После драматического окончания повести дидактический пассаж из эпилога лучше запоминается читателем. Обрывая повествование, Е. Фукс лишает повесть этого эффекта.

Беспомощность Катерины перед лицом начальника управления, считающего её простой пьяницей – эта концовка смещает акцент с пренебрежения своими обязанностями интеллигенции на безразличие власть

имущих к человеку в принципе. Представляя проблему повести более универсальной, «Сибирский вестник» приближает польскую крестьянку к читателям и читательницам из Сибири, которым судьба Катерины наверняка напоминала судьбу жён ссыльных, следовавших за своими мужьями.

Первые рассказы Сенкевича являются дидактическими иллюстрациями жизни народа, оставленного власть имущими на произвол судьбы. Перевод 1880 года пытается, возможно, впервые, представить Сенкевича русским читателям, адаптируя имена героев, логически развивая мысль автора, делая текст понятнее аудитории. Советской рецепции близка критика писателем буржуазного общества, поэтому идеологической адаптации при переводе «Эскизов углем» не происходит. Сибирский перевод, в силу самоцензуры переводчицы или других причин, концентрирует внимание на проблеме бессилия человека перед властью в общем, редуцируя основную мысль Г. Сенкевича. С другой стороны, дореволюционные переводы по сравнению с советским сохраняет большее количество культурных реалий, что согласуется с целью представления нового писателя и новой национальной культуры в случае перевода 1880 года, и, в случае перевода Е.В. Фукс, с программой областников по развитию субэтнической культурной идентичности за счет обогащения словесной культуры.

Глава 2. Польская женская проза на страницах провинциальной периодики Российской империи

2.1 Анализ издательской рецепции польской женской прозы в дореволюционных региональных периодических изданиях: количественный аспект

Переходя к вопросу о женской прозе нельзя не поговорить о женском вопросе. XIX век вывел на новый уровень вопрос о положении и роли женщины в обществе. Во многих странах стали появляться движения, ставящие целью обретение женщинами политических и экономических прав, равных мужчинам. Женские движения набирали силу и в западно-европейских странах, однако утрата Польшей независимости повлияла на развитие идей эмансипации.

Женщины считались союзницами, партнерами в борьбе за независимость: им отводилась роль «не просто матери, но и воспитателя новых поколений патриотов и патриоток, готовых бороться за свободу своей страны, от нее стали ожидать готовности к жертвам и полной преданности великим целям»[19]. Вероятно поэтому одна из первых представительниц польского женского движения, Клементина Таньская-Хоффман, видела роль женщины в основном в материнстве и воспитании детей. Она не ставила под сомнение духовное преимущество мужчины, его главенствующую роль в обществе, но говорила, что роль женщины как хранительницы моральных устоев не менее важна и заслуживает уважения.

Во вступительном слове к трудам К. Хоффман Нарцыза Жмиховская, глава группы «Энтузистки», отрицательно отзывается о её сочинениях, выступает против традиционных ролей мужчины и женщины. «Энтузиастки»

---

[19] Хантуева Е. А., Зарождение женского движения на польских землях в XIX веке // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-zhenskogo-dvizheniya-na-polskih-zemlyah-v-xix-v (6.04.2020)

добивались увеличения роли женщин в общественной жизни, равный доступ к образованию, проповедовали идеалы самореализации и экономической независимости.

Однако борьба за права женщин сталкивалась с особенностями положения Польши. Первоочередными заданиями были задачи национального освобождения и предоставления национальных прав полякам, а далее, казалось им, в своей независимой стране они смогут уже поднять лозунги равноправия женщин. Такое понимание задач женского движения исследовательница М. Богачевская-Хомьяк называет прагматическим феминизмом. Его характерной чертой является служение обществу без оформления идеологической программы и вопросов феминизма. Также прагматическому феминизму присуща тесная связь с национализмом, не как доктриной, а как борьбой подчинённого общества за достижение определённых прав и свобод[20].

Забота о возрождении Польши означала, что на первом плане оказались объединяющие народ ценности, такие как религия, институт семьи. Поэтому роль женщины виделась в передаче будущим поколениям языка, культурных ценностей, идентичности.

Ольга Николаенко в своей статье, посвященной сравнению русского и польского женских движений пишет, что русское и польское женское движение во второй половине XIX–начале XX вв. имели много сходного, а именно общие цели – достижения равных прав в социально-экономической сфере, формы деятельности, выразившиеся в борьбе за высшее образование и доступ к различным профессиям, в деятельности обществ самообразования, взаимопомощи, благотворительности. Оба национальных течения женской активности прошли этапы создания и институционализации, определения своих целей и задач, и позднее – распространения и утверждения как особых

[20] Николаенко О., Сравнительный анализ русского и польского женского движения во второй половине XIX–начале XX вв.: историографический обзор // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego –2012 – № 2 (3). – С. 55-70

течений в общественном движении. Однако зависимое положение Польши и отсутствие государственности предопределило особенности развития здесь женского движения. Вопрос об эмансипации каких-либо социальных групп, в том числе и женщин, всегда был второстепенным в общественной мысли[21].

Эту особенность польского женского движения стоит держать в уме при разговоре о польских писательницах. Для этого разговора необходимо провести количественный анализ, чтобы выяснить, какие польские писательницы были наиболее представлены на страницах периодики Российской империи.

В «Сибирском вестнике» из пятидесяти семи текстов, переведенных с польского, двенадцать принадлежат к женской прозе и поэзии, то есть оригиналы созданы авторами-женщинами, при этом лишь по одной публикации представлено из рассказов малоизвестных писательниц Грот-Бенчковской, Костялковской. Один рассказ принадлежит Габриэле Запольской под псевдонимом Снежко-Запольская (Gabriela Zapolska, 1857-1921). Из творчества известной Элизы Ожешко (Eliza Orzeszkowa, 1841-1910) также представлен один перевод, из наследия Цецилии Валевской – три. Предпочтение «Сибирский вестник» отдает М. Конопницкой (Maria Konopnicka, 1842-1910), публикуя четыре рассказа, а также перевод стихотворения «Чернь – Цезарю». Десять из двенадцати переводов выполнены местными переводчиками, в числе которых такие важные для томской периодики имена как А.О. Станиславский и Иван Северный.

Корпус польских переводов «Сибирской жизни» приблизительно сопоставим по объему с корпусом «Сибирского вестника», однако женских текстов там меньше: из пятидесяти трех публикаций только пять относятся к таковым. Это рассказы Г. Запольской, Э. Ожешко, М. Родзевич (Maria Rodziewiczówna, 1863-1944), М. Конопницкой и Остои (Псевдоним Юзефы

[21] Там же

Савицкой) (Ostoja, 1859-1920) – все, кроме последнего рассказа, взяты из других газет.

«Одесские новости» основаны в 1885 году и были одной из крупнейших в России после революции 1905-1906 годов. Из двадцати одного текста всего два принадлежат перу женщин – это «Легенда» Ожешко, повествующая о римском правителе Нуме Помпилии, ведущем диалог с Юпитером, чтобы спасти жителей Рима от наводнений. Другой текст – писательницы норвежского происхождения Дагни Пшибышевской (Dagny Przybyszewski, 1867-1901) «In questa tomba oscura». Рассказ Пшибышевской, описывает мистические переживания героини, основанные на произведении Бетховена на стихи Джузеппе Карпани.

О женской польской прозе также говорится в двух критических очерках «Одесских новостей». Критические литературные обзоры входили в постоянный репертуар газеты в таких рубриках как «Литературное обозрение, «Фельетон». Плеяда журналистов, работавших над критическими статьями включает Петра Герцо-Виноградского (брат Семёна Герцо-виноградского, известного под псевдонимом Барон Икс), Исаак Владимирович Шкловского (известного под псевдонимом Діонео), Петра Исаевича Звездича (Ротенштерна) и других. Всего в корпусе «Одесских новостей» насчитывается около ста семидесяти публикаций критических статей, посвященных иностранной литературе, в том числе поэзии и драматургии.

В отличие от либеральных «Одесских новостей», «Киевлянин» – газета консервативная и монархическая. Как пишет В.Ф. Блохин в своей монографии «Провинция газетная», отдельным пунктом в интересах издательства были выделены «Известия и статьи общерусского интереса»: «Официальные сведения о важнейших для каждого русского в Отечестве, неофициальные известия и статьи о разных общественных вопросах и явлениях русской жизни». Целью издания была русификация Юго-западного края и других национальных окраин, газета выступала против «засилья

поляков», в дальнейшем резко критиковала «украинофилов» за их «сепаратизм» [22]. И тем не менее, с 1898 по 1905 гг. на страницах газеты появляются более восьмидесяти переводов художественных текстов с польского, что гораздо больше, чем в вышеупомянутых изданиях. Для сравнения – сибирский корпус, включающий в себя два издания («Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь») насчитывает 110 текстов, изданных с 1890 по 1910. Корпус, составленный по другому украинскому изданию, «Одесские новости», с 1885 по 1904 год насчитывает только 22 текста.

Причиной этого предположительно становится численность польской диаспоры в Киеве. В 1881 году поляки составляли около 8% населения города: по результатам переписи в 1897 году 5,6 % населения указало польский как свой родной язык и 8,5 % свою принадлежность к римско-католическому вероисповеданию[23]. В Одессе процент польского населения составил 4,3%[24].

Двадцать восемь из восьмидесяти переведенных для «Киевлянина « рассказов написаны женщинами. Такие писательницы как А. Лапинская, М. Папроцкая, Е. Цейсингер и Ненцкая представлены одним рассказом. Двумя текстами представлено творчество М. Конопницкой, тремя – Остои. Четыре рассказа представлено из творчества М. Родзевич. Переведен прозаический цикл Г. Запольской-Яновской «Молитва Господня» (шесть текстов). Девять рассказов опубликовано у Э. Ожешко, что делает её самым часто публикуемым польским автором в «Киевлянине» – ей принадлежит одна восьмая всех польских текстов.

Из более ста двадцати польских переводов «Приазовского края» двадцать один рассказ написан женщинами. Пять – это рассказы Э. Ожешко,

---

[22] Блохин В.Ф., Провинция газетная. Государственное управление периодической печатью и становление печатного дела в российской провинции 1830-е – 1870-е гг / В.Ф. Блохин. – Брянск: «Крусив», 2009. – С. 100-105.

[23] T.Mróz, Liczebność i struktura społeczno-zawodowa zbiorowości polskiej w Kijowie na przełomie XIX i XX wieku, цит. по. D. Sula, Polacy w Kijowie w latach 1914-1917 // Sprawy Wschodnie – 2004. - № 2-3 (6-7) – С 107-118.

[24] L. Żwanko, Polacy na Ukrainie lewobrzeżnej: geneza, symbole tożsamości (XIX–początek XX w.) // EUROPA ORIENTALIS – 2007. -- № 8 – Режим доступа: https://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/EO/article/viewFile/17286/15075 (31.10.19)

шесть – М. Конопницкой. К этому добавляются два рассказа О. Вольбрук, один рассказ С. Наваровской и сказка М. Родзевич «Камни».

Гораздо меньше представлена женская проза в «Южном обозрении». Из семидесяти семи текстов польского корпуса всего шесть написано женщинами: три рассказа Э. Ожешко и три М. Конопницкой.

В заключение, можно сказать, что из всего корпуса польских переводов в дореволюционной провинциальной периодике Российской империи семьдесят восемь аттрибутированных текстов написаны женщинами. Более всего представлено творчество Э. Ожешко: восемнадцать рассказов в двадцати публикациях (два рассказа – «Легенда» и «Сказка» представлены в двух версиях). Второй по популярности является Мария Конопницкая, представленная как прозой, так и поэзией: всего шестнадцать публикаций, (два рассказа «Почему?» и «На рынке» опубликованы дважды,). Далее – Г. Запольская-Яновская с десятью публикациями, шесть из которых – цикл «Молитва Господня» в газете «Киевлянин» (две публикации являются переводом одного рассказа «Żabusia»). Следом идет М. Родзевич, семь публикаций которой представляют пять текстов (сказка «Камни» опубликована трижды в разных газетах). Корпус дополняется критическими заметками о творчестве писательниц, рецензиями на постановки спектаклей Запольской.

Исследование текстов польских писательниц, представленных в провинциальной печати, позволит сделать вывод о характере интереса к польской литературе в Российской империи, вопросах, которые ставила перед собой русская провинция. Перспектива исследования, таким образом, заключается в пристальном анализе творчества каждой из наиболее представленных в корпусе писательниц.

2.2. Анализ издательской рецепции польской женской прозы в дореволюционных региональных периодических изданиях: качественный аспект

Произведения Элизы Ожешко в рецепции сибирских и южных дореволюционных периодических изданий

Элиза Ожешко родилась в 1841 году около Гродно. После обучения в варшавском пансионе (где будущая писательница познакомилась с Марией Конопницкой) была выдана замуж за помещика Петра Ожешко. Типичный помещик, он любил охоту и карты, не понимал пристрастия жены к книгам, «философствованиям» и не одобрял стремления к общественно-просветительской деятельности. Они развелись в 1869 году, но до этого супругам пришлось пережить Январское восстание. Элиза Ожешко была связной у партизан, снабжала их продовольствием, перевозила командира повстанцев Ромуальда Траугутта. Поражение восстания существенно изменило ее жизнь. Имущество ее мужа конфисковали, а его самого сослали в Пермскую губернию.

После этого Элиза Ожешко переезжает в отцовское имение около Гродно, где начинает писать. После продажи имения в 1869 году, писательница переезжает в Гродно, где под надзором полиции проживет всю оставшуюся жизнь.

В своих многочисленных романах и рассказах писательница выступает против социальной несправедливости, застоя и косности. Произведения Ожешко глубоко гуманистичны, они проникнуты любовью к трудовому народу, к природе родного края. Велика заслуга Ожеко в развитии польской новеллы, семейно-бытового и социального романа. Её стремление к глубокому раскрытию внутреннего мира человека обогатило польскую литературу опытом психологического анализа[25].

---

[25] Цыбенко Е. З., Элиза Ожешко // История польской литературы. Т. 1. – М.: «Наука», 1968, – С. 541-536

В сибирских изданиях Э. Ожешко не пользуется особенной популярностью: по одному рассказу опубликовано в «Сибирской жизни» и в «Сибирском вестнике». Это психологические этюды, посвященные жизни современной Польши. Например, рассказ «Далеко» [Сибирский вестник, 1903, № 72] повествует об умирающем от болезни писателе в холодном, бесприютном мире

Рассказ «Ситечко» [Сибирский вестник, 1892, № 73] повествует о девушке из хорошей семьи, удачно вышедшей замуж. Она богата, счастлива в браке, подолгу ни о чем не горюет и не помнит привязанностей. Однако когда ей напоминают об умершем отце, о котором она не скорбела, она вдруг падает в обморок. Рассказ может быть воспринят как укор поверхностным личностям. Польская литература реализма ценилась сибиряками за её поучительность, высокие моральные идеалы – этим критериям прекрасно соответствует рассказ Ожешко.

Куда больше внимания удостаивается Э. Ожешко в периодике Южных провинций. Газета «Одесские новости», к примеру, посвящает ей небольшой фельетон под названием «Гуманитарное влияние литературного слова» [Одесские новости, 1895, № 3174]. Литературное слово в этом фельетоне названо лучшим выразителем правды жизни, и писатель, который приходит в литературу со знаменем этой божественной и человеческой правды в руках делает больше для мира, чем все двигатели современного прогресса. Именно под пером женщины, как пишет автор, божественно-человеческая правда является кристаллизованною. «Перед таким литератором-женщиной я готов, как Моисей перед горящим кустом, снять, вместо сандалий, шляпу, и благовейно преклониться».

Гуманистический пафос, по мнению одесских критиков, отличает Ожешко от таких представителей польской литературы как, например, Г. Сенкевич. В его творчестве видится фельетонисту Колокольчику опасные ростки ксенофобии: «И как подумаешь, что на таком патриотизме воспитываются молодые поколения, и в любви к национальному шовинизму,

милитаризму, шляхетизму – как подумаешь, то… Я уже был готов сказать: впадешь в отчаяние, но разве можно отчаиваться за ту литературу которая имеет, например, такую светлую писательницу, как г-жа Элиза Ожешко, пропагандирующую в своих романах идеалы, как раз противоположные идеалам г. Сенкевича. Братство национальной любви к народу, горячее заступничество за право всякой преследуемой национальности (почитайте её романы «Самсон могучий», «Мейер Юзефович») – вот тенденции талантливой и симпатичной писательницы» [Одесские новости, 1893, № 2608]. Колокольчик добавляет, что если бы г-жа Ожешко приехала в Одессу, то он бы непременно поборол в себе лень и пришел бы засвидетельствовать ей свое почтение – а вот к гостившему в это время в Одессе Сенкевичу он так и не явился.

Несмотря на такое почтение, в «Одесских новостях» печатается только два рассказа Ожешко: «Легенда» и «Тразея». Оба рассказа происходят в декорациях древнего Рима. «Легенда» [Одесские новости, 1885, № 215] рассказывает легенду о римском правителе Нуме Помпилии, ведущем диалог с Юпитером, чтобы спасти жителей Рима от наводнений. Несмотря на языческую составляющую, легенда кажется отчетливо христианской – жертвенность Нумы, готовность умереть за свой народ, мысли о котором не покидают его и при обещаниях худшей судьбы, и при обещаниях рая. Глядя на героя, Юпитер говорит: «Нума, сделай так, чтоб в Риме было столько любви, сколько вмещаешь ты в своем сердце, и не выпущу больше ни одной стрелы из своего колчана», и Нума не знает, что ответить.

Античность часто становится фоном для работ польских писателей. Наиболее известным примером, конечно, является роман Г. Сенкевича «Quo Vadis», в котором раннее христианство сопоставляется с борьбой Польши за независимость. Связь патриотической идеи с темой раннего христианства в польской литературе XI X в. была не случайной. Польский народ за свое вероисповедание в течение длительного времени подвергался унизительным притеснениям со стороны протестантской Пруссии и православной России.

Своей политикой религиозных репрессий монархи России и Пруссии как бы уподобляли себя римским цезарям, преследовавшим христиан. Это имело своим последствием то, что в сознании широких масс польского народа защита католицизма стала неотделимой от защиты национальных свобод. Поэтому в Польше не только реакционные, но и прогрессивные деятели, например, Мицкевпч, Словацкий, Крашевский и другие, осуждавшие официальную церковь и папство, тем не менее считали верность католицизму выражением польского патриотического духа[26].

Ожешко в своих работах исследует не только проблему первых христиан. К примеру, роман «Миртала» повествует о взятии римлянами Иерусалима. Античность в работах Ожешко служит материалом для актуальных проблем современности. В то же время, она находит в этом времени и истоки веры, а значит, решения этих проблем.

Герой рассказа «Магон великий» [Киевлянин, 1905, № 49] – полководец, язычник, карфагенянин. Он ведет жизнь, полную славы и плотских удовольствий. Однако временами на него находит тоска по вечному, незыблемому, жажда истинного Бога, которую он утоляет беседами с мистиком. В один вечер тот рассказывают историю о городе, на который войско Магона должно напасть, о том, как один брат жертвовал собой ради второго, и в награду получил ничего, и он медлит с нападением. В итоге он распинает себя на кресте, искупая грехи своей жизни, а флот Карфагена уезжает.

Элиза Ожешко в «Киевлянине» представлена девятью публикациями, что больше, чем у любого другого автора. Это, помимо «Магон великий», рассказы «Тень», «Сказка», «Тадеуш», «Неисправимый», «Загадка», «Идиллия», «С глазу на глаз», «Фарфоровая роза». Один тематический комплекс, затрагиваемый в опубликованных текстах: тайная жизнь души людей странных, оторванных от общества, но достойных любви и

[26] Горский И. К. Quo Vadis // Исторический роман Сенкевича. – М.: Наука, 1966. – 309 с. – С. 196.

сопереживания. Это, к примеру, Немко из «Тени» [Киевлянин, 1903, №78-81], немой молодой человек, после смерти единственного родственника – престарелой бабушки – всем сердцем полюбивший девушку Настю. Или Кася из «Загадки» [Киевлянин, 1899, №347-349, №352], работящая, любящая девушка, которую её возлюбленный бросает, увлекшись её сестрой. Она приносит свои чувства в жертву недолгому счастью сестры. Так же поступает и героиня другого рассказа «С глазу на глаз» [Киевлянин, 1899, №121-124], которая узнает, что влюбленный в неё писатель на самом деле помолвлен с её подругой-художницей. Она не рассказывает об этом подруге, и покидает города на следующий же день.

Можно сделать вывод, что в образе женщины в рассказах Ожешко, опубликованных в «Киевлянине», ценится жертвенность. Активные действия, завоевание своей любви не поощряются – нимфа Силла в «Сказке» [Киевлянин, 1904, №140], полюбившая королевича Зефира и старающаяся добиться его, проигрывает тихой уступчивой пастушке Гармонии. Кроме того, девушка может быть работящей – как Кася из «Загадки» или Настя из «Тени» – если они не особенно глубоки умом. Натуры духовные, как героиня рассказа «Фарфоровая роза» [Киевлянин, 1899, № 56-57], обречены на невозможность реализоваться в этом мире, а её поиски родственной души встречаются с плотскими желаниями героя.

Можно процитировать здесь краткое содержание брошюры Ожешко о женском вопросе из «Южного обозрения» [Южное обозрение, 1897, № 16]: «Польской романистке хотелось бы прежде всего видеть в женщине нравственный фактор человечества; от неё ждет она возрождения грешного мира». Само «Южное обозрение» публикует три рассказа писательницы, из которых только один связан с образом женщины. В «Годовщине» [Южное обозрение, 1905, № 2728] героиня в счастливый момент своей жизни проходит мимо плачущего младенца, а через год, будучи глубоко несчастной, видит его снова и проявляет участие к его горю – а когда призрак развеивается, она идет помогать другим страждущим и обездоленным.

Женщина является носителем моральной истины и должна действовать, чтобы искоренить несчастье в мире. Помимо этого рассказа в «Южном обозрении» публикуется уже упомянутая «Легенда» и рассказ «Момент» [Южное обозрение, 1899, № 721] – в котором выступление певицы помогает жителям еврейского местечка отвлечься на минуту от невзгод, облегчить душу, примириться друг с другом.

Иную грань творчество Ожешко принимает в рассказах, опубликованных ростовской газетой «Приазовский край». Помимо аллегорической «Фантазии» и уже упомянутой «Сказки» это, например, такой рассказ как «Проказник» [Приазовский край, 1892, № 71-72, № 76]. С судом присяжных приходит поиграть шекспировский малютка Робин и отвлекает внимание судей на воспоминания юности, так что на свершаемый суд они не обращают внимание. Тяжелая судьба человека, поджегшего господскую усадьбу, остается без внимания, так как все присутствующие думали совсем не о суде. Таким же духом социального протеста проникнут рассказ из греческой жизни «Из рук в руки» [Приазовский край, 1905, № 43]. Молодые люди играют, передавая по кругу факел так, что он горит ярко, пока один человек не роняет его на землю.

«– Простите, – сказал он. – Радость в жизни никогда не поддерживала мои плечи, глаза мои слепы, так как я жил вдали от солнца и сердце в моей груди бьется тихо, так как его гнетет камень испытанных обид… сделать тепло и свет бессмертным неспособен тот, кто не напоен их сладостью и силой…

– Кто же ты? – спросили шумно.

Голос, в котором шепчет стыд и шипят змеи гнева, отвечает:

– Я – раб».

Рассказ «Слава побежденным» [Приложение к газете «Приазовский край», 1910, № 21] посвящен событиям Январского восстания. Рассказ чествует как героев людей, сражавшихся за независимость Родины. Эту преданность своей стране отмечает автор «Приазовского края» в некрологе

Ожешко в 1910 году. На смертном одре она заканчивала повесть, посвященную истории восстания: «Бодрый дух и горячее сердце писательницы забывали о бренной, телесной оболочке и создали перед тем, как угаснуть на веки, страницы любви и примирения. Это была её лебединая песнь» [Приазовский край, 1910, № 119].

Творчество Э. Ожешко ценилось всеми областями российской империи за её гуманистические идеалы, веру, любовь к человечеству. Однако идейные установки разных изданий по-разному отражают грани творчества великой писательницы. «Сибирский вестник» предпочел дидактический, назидательный рассказ с антипримером, когда «Киевлянин», к примеру, в рассказах Ожешко ищет положительные модели поведения для женщин, проповедуя самопожертвование и принятие, обращает внимание на тему «странных людей», в то же время «Приазовский край» демонстрирует более социально-острую сторону таланта писательницы, выражает восхищение её любви к закрепощенной родине.

Произведения Марии Конопницкой в рецепции сибирских и южных дореволюционных периодических изданий

На родине М. Конопницкая прежде всего считалась поэтессой. Это подтверждается эссе Г. Сенкевича, посвященным двадцатипятилетнему юбилею творчества писательницы [Сибирский вестник, 1903, № 19]. «Она говорит и поет как о существах, так и о вещах, которые или не в состоянии уяснить своего быта, или немы. Это означает прежде всего то, что если бы все обездоленные – старцы, вдовы, сироты, которым голодно, пусто и плохо на свете, которые стонут под бременем естественных и социальных усилий, от презрения и черствости сильных – если бы они могли и сумели высказать в песне свое горе и страдание, они выразили бы их её словам,» – пишет Сенкевич. В этом единении с народом, обездоленными и несчастными, он видит большую заслугу Конопницкой, и ограждает её от нападок критиков за «недостаток веры» – ведь вопросы ставятся Богу поэтессой «не философский ум, который в него не верит, а истерзанное сердце, которое страдает».

Особо значимо для Сенкевича тема деревни и природы в творчестве поэтессы: «В её поэзии запечатлена душа крестьянина и бьется крестьянское сердце; в ней слышен деревенский звон, пощелкивание пастушьего кнута, звуки кос и серпов и родная нота деревенский мотивов. И все это слышится с такой силой и правдой, что благодаря художественному совершенству этих сельских эхо получается такое впечатление, как будто кто-то играет на высокой вершине Парнаса на свирели, выгнутой из польской вербы.»

«Через неё высказывается земля и народ, который её населяет», – пишет Сенкевич. Это для него одно из главных достоинств поэтического творчества Конопницкой. Он противопоставляет поэтессу основному течению в литературе: мелко-субъективному стихотворству. «Больше всего эгоисты-поэты пропускали свет через фильтр собственного Я, давая анализ собственных мелких душ и такую же лирику».

Остаток очерка Сенкевич посвящает описанию последний произведений поэтессы: цикла стихотворений «Италия» и поэмы «Пан Бальцер в Бразилии». Писатель восхищается её талантом и предлагает «поклониться поэтессе и почтить её в момент, когда вся наша страна видит в этом свой долг».

Перепечатанный из «Русских ведомостей» перевод этого эссе появляется в 1903 году в газете «Сибирский вестник». Это последняя из шести публикаций, посвященная Конопницкой: всего опубликовано три рассказа, два стихотворения и одно эссе.

Первым в печати появляется перевод рассказа «Со взломом» [Сибирский вестник, 1893, № 17]. Он рассказывает о суде над мальчишками, укравшими хлеб в голодный год. Защитник пытается смягчить наказание мальчикам, взывая к жалости судей, однако его усилия тщетны, и преступление наказывается по всей строгости.

Вольный перевод из газеты «Край» выполнен А. Станиславским. Поляк по происхождению, участник восстания 1863 года, оказавшись в Томске он активно участвовал в деятельности «Сибирского вестника» и перевел для газеты с французского и польского более сорока рассказов. Для его переводческой стратегии характерны: концентрация на передаче сюжета, адаптация реалий и имен, избегание подробностей политической истории, философских рассуждений, сентиментальности [27]. В предыдущей части нашего исследования было доказано, что при переводе рассказа Г. Сенкевича А. Станиславский пользуется теми же приемами.

В рассказе «Со взломом» имена детей адаптированы там, где разница между польскими и русскими именами была слишком велика. Например, имена Ustim и Klim Сатниславский сохраняет в переводе как Устим и

[27] Никонова Н.Е., Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И. И. Почекас, П. А. Грабовский, А. О. Станиславский и П. Л. Черневич)// Имагология и компаративистика – 2018. – №9. – С. 30-52.

Климутка, Łuć переводит как Лукашка. Мальчик по имени Mały Chwiedoś исчезает из повествования, а Benedyś становится Федей.

Перевод дан в сокращении: опущена одна из сцен, в которых деревенских мальчиков допрашивают перед судом. Эта сцена помогает Конопницкой создать более живой, объемный образ польской деревни, но не влияет на общий сюжет рассказа, и поэтому Станиславский считает возможным опустить его в переводе.

Деревенский быт также показан в рассказе «Христя» [Сибирский вестник, 1898, № 138, 141, 147, 151, 152]. Героиня рассказа разрывается между своей любовью и традиционным укладом семьи. Несколько лет она ждет из армии вероятно погибшего жениха. В это время у неё появляется ребенок от приходящего крестьянина Павла, и мать Христи настаивает на их свадьбе. Однако Христя не желает этого брака, не желает видеть их ребенка. Деревенские понятия о порядочности, мере горя и верности губят её – в первой части рассказа героиня тяжело болеет.

Ситуация осложнена тем, что обретение желанного – возвращение из армии Антека – не приносит ей покоя, так как она изменила ему с Павлом. Между двух огней, Христя не находит другого выхода кроме как утопиться.

Образ психически нестабильной женщины – жертвы социума присутствует и в рассказе «На рынке» [Сибирский вестник, 1903, № 48]. Рассказчица встречает сумасшедшую, которую чуть не задавило стадо волов. По обрывкам речи мы понимаем, что её муж замерз в лесу в морозный день, добывая дрова, а она, свихнувшись от горя, сожгла дом вместе со своим ребенком. Одновременно она, как и Христя, кузнец своего несчастья, и в то же время – жертва обстоятельств и социального уклада. Трагедия её жизни усиливается пренебрежительным отношением горожан, которые спокойно, даже насмешливо, пересказывают рассказчице её историю.

Это внимание к личной истории «незначительных» людей проявляется и в другом рассказе Конопницкой, «Знакомство» [Сибирская жизнь, 1904, № 80]. Рассказчица описывает похороны в больничной часовне. Место суетное,

люди, работающие в нем, не имеют сострадания к умершим и их родственникам, всё определяет суета: «Видно было, что здесь нет времени на сентиментальности. Должен родиться – родись, должен умереть – умирай, а если ещё хочешь быть похороненным, – то сейчас же, потому что там уже десятки других рождаются и умирают».

Однако и в таком месте мать покойного – старая женщина, оставшаяся с тремя внуками на руках – пытается отстоять право на то, что в её понимании составляет человеческое достоинство: «Смотри и запомни, – шептала она, – что хоть твой отец и умер в больнице, но похороны были собственные… Гроб куплен, всё куплено… Чтобы помнил это!». Эта попытка сохранить в смерти человеческое достоинство в стремительном, равнодушном мире вызывает сочувствие у читателя.

Из лирических произведений М. Конопницкой опубликован перевод стихотворения «Чернь – Цезарю» [Сибирский вестник, 1896, № 216]. Перевод выполнен И.И. Почекасом (псевдоним – Иван Северный), который, как пишет в своей статье о переводчиках в сибирских изданиях Н.Е. Никонова, в основном выбирает произведения сентиментального, романтического характера. «Чернь – Цезарю», хотя и тематически не совпадает с остальными переводами И. Северного, привлекает его античной образностью.

Также представлен перевод прозаического отрывка «Почему?», больше всего напоминающего стихотворение в прозе. Лирическая героиня избавляется от розы в волосах, кидает кубок в море, вырывает из груди пламенное сердце, жаждавшее любви. Далее идет обращение к неназванному возлюбленному: «Ты был для меня розой в моих волосах, драгоценной чашей, пламенным сердцем… Почему же я не могу с тобою сделать то, что я сделала с розой, с чашей, с сердцем? Почему?» [Сибирский вестник, 1902, №195]. На фоне остальных публикаций, освещающих разные социальные проблемы современного общества, этот текст добавляет образу автора

ожидаемой от любой поэтессы ориентации на романтические отношения, освещения в творчестве темы любви.

Юго-западные издания по-разному осмысляют творчество Конопницкой.

Фельетонист «Одесских новостей», П. Герцо-Виноградский, в рубрике «Литературное обозрение» [Одесские новости, 1892, №2275] называет её «одной из лучших и светлых современных польских писательниц», однако замечает, что «она не может отделаться от мелодраматических мест, режущих диссонансом и утрировкой наше современное прозаическое сердце». Это он называет «самым большим недостатком» Конопницкой. По мнению автора, знакомство с творчеством поэтессы «составило бы для нас прекрасное и радикальное противоядие обуревающей нас в настоящее время эстетической горячке в поэзии». Из дальнейшего сравнения творчества М. Конопницкой с дневниками М. Башкирцевой становится ясно, что в женском творчестве автор ценит деятельную идейность и приводит в пример таких женщин героинь романов Тургенева. Несмотря на похвалу, произведений Конопницкой «Одесские новости» не публикуют.

«Киевлянин», одна из самых крупных газет на рубеже XIX-XX веков в Российской империи, издает всего два произведения писательницы.

Одна из публикаций М. Конопнцкой в «Киевлянине» – это рассказ «К земле» из сборника «На нормандских берегах», помещенный в рождественском номере [Киевлянин, 1901, №356]. Рассказ повествует о чудесном спасении рыбацкой лодки в шторм людскими молитвами, счастливом воссоединении семьи и встраивается в дискурс рождественского рассказа в периодике.

Вторая публикация – перевод стихотворения «Wezwanie» [Киевлянин, 1898, №162]. Н. Э. Глокке, преподаватель Киевского первого коммерческого училища, неоднократно переводил для «Киевлянина» поэзию. Из двенадцати переводов три выполнено с немецкого языка (Гейбель. Э., Вебер Ф., Роденберг Ю.), четыре – с польского (Конопницкая М., Белза В., Уеский К.,

Аснык А.), один – с болгарского (Славейко П.) и три – с грузинского (Чавчавадзе И.). В переводе «Wezwanie» получает название «Призыв». Перевод, как и оригинал, выполнен ямбом, но удлинение второй и пятой строк в строфе (8-9-8-8-9 слогов перевода и 8-7-8-8-7 оригинала), использование в переводе безударных стоп придают переводу более возвышенную интонацию. На это же работает некоторый выбор лексики: к примеру, в продемонстрированной строфе, метафора «пусть бледное небо скроет нас в своем платке, из тумана сотканном» заменяется на более высокопарное сравнение «как щепку волны океана». Так же, например, простое «гроб» в последней строке стихотворения («Mogiłę mą kołysze») заменяется на эвфемизм «мой вечный сон».

Приди ко мне в ненастный час, Среди осеннего тумана, Приди ко мне в неясный час, Пусть небо мглой покроет нас, Как щепку волны океана.	Ale przyjdź do mnie w chmurny czas, W jesienne mroczne rano, Ale przyjdź do mnie w chmurny czas, Niech blade niebo skryje nas W swą płachtę z mgły utkaną.
– \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – – – \/ –	– \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ – \/ –

Как и в случае с творчеством Э. Ожешко, «Киевлянин» не интересуется социальной стороной творчества М. Конопницкой, выбирая лирическое стихотворение о любви и смерти и трогательную путевую заметку.

«Южное обозрение» также публикует немного, останавливая свой выбор на небольшом стихотворении и вышеупомянутом тексте «Почему?».

Интересен выбор рассказа «В дороге». Тимон Афинский, известный мизантроп, встречает по пути в Сиракузы мужчину, сгибающегося под тяжестью небольшой ноши. Он пытается угадать, что же такое несет человек:

«– Я слыхал, что теперь [неразборчиво] на рынках много философов и сеют свою мудрость, чтобы она проросла на камнях. Один такой бородач говорил, что нет в Греции ничего тяжелее слёз илотов. Так не эти ли слёзы несешь ты в своем [неразборчиво] мой друг? Это мне пригодилось бы для намеченной цели…

– То, что я несу, – возразил незнакомец, – ещё тяжелее слёз илотов.

– Что же это такое, во имя Зевса? – воскликнул Тимон, и глаза у него сверкнули.

– Смех илотов, собранный на улицах Сиракузы, – сказал муж. И он пошел дальше, с трудом передвигая ноги, сгибаясь под тяжестью своего бремени».

Текст согласуется с революционным направлением газеты, из-за которого «Южное обозрение» было закрыто в 1906 году.

«Приазовский край» публикует шесть рассказов, игнорируя поэтическое творчество писательницы. Подборка, достаточно разнообразная по тематике, открывается рассказом «Бонасева» [Приазовский край, 1892, № 159]. Бонасева – старуха, приехавшая из родной деревни к дочери в город, умирать под присмотром родных. За проживание в городе необходимо платить налог. Семья откупается мелкими деньгами от дворника, ссылаясь на то, что бабка вот-вот умрет, но проходит год, а Бонасева всё жива. Наконец дело доходит до представителей власти, однако денег, чтобы заплатить за жизнь, у старушки всё ещё нет.

Ужасна ситуация, в которой человек, проживший долгую и трудную жизнь, вынужден платить за то, что не может умереть. Однако именно этим рассказ удивителен. Смерть в польской литература на рубеже XIX-XX веков повсеместна: умирают дети, взрослые, старики, люди творческие, женщины. Этому феномену необходимо отдельное осмысление, причинами может быть

стремление показать безвыходность некоторых путей развития общества, общую безысходность сложившегося положения. Однако Бонасева не может умереть, хотя давно пришла пора – и в этом, как нам кажется, выражается сила и жизнеспособность польского народа.

Рассказ «По книге» [Приазовский край, 1902, № 101] рассказывает об истории побега заключенного Цыгана. После его поимки заключенные попросили наказать его самостоятельно, а через несколько дней Цыган скончался от полученных ран. Рассказ демонстрирует жестокость института тюрьмы: Конопницкая описывает типы заключенных в зависимости от срока их пребывания в тюрьме, то, как меняется их внешность и психика. Иронически она описывает мыслительный процесс начальства при делегировании наказания, что добавляет абсурда её характеристике тюремной системы: «К счастью, ему пришло на память, что в Америке преступники не раз сами наказывают своих товарищей. Это его сразу успокоило и придало его мыслям более возвышенное направление. Он чувствовал себя инициатором новых идей, заимствованных из Нового Света. Он уже ясно видел, как перед его именем бледнеют имена великих гуманистов». Абсурдно и завершение рассказа: выясняется, что срок Цыгана истек за несколько дней до побега. Арестанты, узнав об этом, терроризируют канцелярию, каждые пятнадцать минут приходя узнать, не вышел ли им срок. «Бедный Цыган! Это была месть за твою загубленную жизнь!» – сочувственно подводит итог Конопницкая.

Два рассказа затрагивают женский вопрос и женское сумасшествие: это уже упомянутый «На рынке» и рассказ «Ануся». Ануся – няня в господском доме, её жизнь, посвященная брату и чужим детям, описывается в первой половине рассказа. Во второй половине мы встречаем Каню – местную помешанную. Однажды она бежит за Анусей с детьми и начинает извиняться перед ней за то, что жених Ануси, её единственная любовь, ушел к Кане, но Ануся не удостаивает её ответом.

Однажды дети видят из окна, как Каню преследуют и избивают. Ануся выбегает во двор и уводит её. В следующие несколько дней по описанию действий Ануси детскими глазами становится понятно, что она пыталась выходить ее, а затем готовит к погребению. Каня умирает в конце рассказа, и отпевает её кзендз – брат Ануси.

«Мои часики» [Приазовский край, 1905, №299], с одной стороны, повествуют о подаренных ребёнку часах – хрупкой, невероятно прекрасной вещи, любоваться которой ему позволено только в определённый день. С другой стороны, это история о супружеской измене, рассказанная в деталях, доступных восприятию ребёнка. Отец проматывает состояния на любовниц, и часы вынуждены заложить в ломбард.

Рассказ помещен в рождественском номере, что помещает его в определённый дискурс рождественского рассказа. Это внимание к институту детства, конституирующее событие – чудо. В каком-то смысле потеря часов мальчиком-рассказчиком и разваливающийся брак родителей рифмуются, означая потерю иллюзий, надежды на идеал и единение двух в этом мире: «Шепот сначала был неясный, непонятный, необъяснимый: он состоял из слияния каких-то волшебных, бесконечно близких сладких стонов; первые были в сердце часов, вторые – в моем сердце.

Наконец, я начал различать три слова, которые беспрерывно повторялись и наполняли всё моё существо неописуемым счастьем. Слова эти были: я и ты… я и ты… Они сливались, образуя дивную мелодию песни, которую вряд ли когда-нибудь слышало человеческое ухо».

Последний опубликованный рассказ М. Конопницкой, «Музыканты», передает воспоминания об игре детей на пианино в ясный солнечный день. Природа, традиция, фантазия – всё смешивается в этом отрывке, раскрывая переживания рассказчицы: «Старая песня, казалось, давно уже забыта, давно уже умерли её отголоски, – и вот живут они вновь!

И играют так маленькие музыканты, как их учил отец-органист, как их учил шум речных волн, и шепот серебристых берегов, и дрозд, и старые

пожелтевшие гравюры, и скрипка, и альт, и тихий ветер полей. Кто знает, быть может, и старая Сказка…

…Я помню вас, маленькие виртуозы!»

Подводя итоги исследованию региональной рецепции творчества М. Конопницкой, можно сказать, что она ценилась и как тонкий психолог, и как народная писательница, повествующая о страданиях и силе простого народа. В зависимости от идеологического направления, издания находили что-то для своей программы в её творчестве. Томская периодика, руководимая областнической программой по преобразованию края, видела в творчестве Конопницкой гуманистический идеал, любовь к людям в сложных жизненных обстоятельствах, критику общественного уклада. «Киевлянин» публикует произведения, не касающиеся социальной проблематики, останавливая свой выбор на лирическом стихотворении и путевой заметке, трансформирующейся в рождественском дискурсе в рассказ о чуде. «Приазовский край» публикует различные произведения Конопницкой, отражая как сторону творчества писательницы, посвященные проблемам общества, так и рассказы, сосредоточенные в основном на изображении психологических переживаний личности.

Произведения Габриэли Запольской в рецепции сибирских и южных дореволюционных периодических изданий

Прежде всего, необходимо отметить, что творчество и жизнь Г. Запольской неразрывно связаны с театром. Она является автором сорока пьес, многие из которых переводились на другие языки, неоднократно ставились и имели большой успех. Г. Запольская сама играла в театре. Гастроли позволили писательнице объехать почти всю разделенную Польшу, и увидеть социальные проблемы своими глазами, столкнуться с жизнью в неприглядных её видах. Натуралистичность её произведений обосновывается влиянием романов Золя.

Шесть рассказов Запольской публикуются в газете «Киевлянин». «Молитва Господня» [Киевлянин, 1902, №252, 303, 306-308, 313, 327, 337] представляет собой цикл рассказов, каждый из которых – ситуация, заканчивающаяся одной из строчек «Отче наш». В трудную минуту жизни герои обращаются к Богу и находят в вере утешение. В цикле Запольская смело поднимает такие общественные проблемы, как воспитание сирот, отданных матерями в приюты при церквях (Запольская считает виновными отцов, бросивших семью на выживание в тяжелых условиях), потерю моральных ориентиров, тяжелый труд рабочих, женское пьянство, супружескую измену, мелкую буржуазную мораль, голод и тяжелое материальное положение прислуги. Это «резкие» рассказы, не скрывающие мрачные стороны души человека, тяжесть бремени, нищету, голод, боль.

Цикл опубликован не полностью и обрывается на шестом рассказе «И остави нам долги наши». К сожалению, найти ни оригинал, ни других, полных переводов цикла, не удалось.

«И остави нам долги наши» публикуется также в «Южном телеграфе», который позднее положительно отзывается о драматическом творчестве Запольской [Южный телеграф, 1907, №1715]: Драма «Фарисеи» «очень интересна, современна, бойка, жестоко бичует фарисейство современной

городской семьи, и ея нравственность, и изобилует местами и фразами из новейшего лексикона: «буржуазия», «социалист» и пр. Смотрится пьеса легко и с неослабевающим вниманием. Много юмора и комического элемента».

«Приазовский край» публикует интересный рассказ «Попочка» [Приазовский край, 1902, № 196]. Мужчина «с безмолвной жалобой в лице на свое духовное убожество» ищет какой-то покой в жизни, счастье, может быть, гоняясь за женщинами-певичками. Так он встречает Мину. Её история, в отличие от всех, которые он слышал до этого, трогает его своей искренностью. Они живут вместе: она, уставшая от жизни, он, питающийся её искренностью и слезами по умершей дочери.

Сибирские издания публикуют два разных перевода одного рассказа Запольской, «Жабуся» [Сибирский вестник, 1892, № 101] и «Кошечка» [Томский листок, 1896, № 222].

Рассказ повествует о девушке, молодой жене – наивной, игривой, радостной, мягкой рукою тиранящей весь дом. Домашние прощают все издевательства и шутки за легкий нрав и детский характер. Её религиозность, нравственность и наивность не позволяют никому сомневаться в её супружеской верности, однако читатель выясняет, что героиня изменяет мужу. Семья героини остается в неведении.

«Żabusia» – драма Г. Запольской 1897 года. Сюжет схож с рассказом, однако ситуация супружеской измены в рассказе развернута, появляются дополнительные действующие лица – любовник Жабуси оказывается женихом сестры её мужа, любовная интрига вскрывается, однако муж Жабуси принимает её измену. Сестра его, Мария, разрывает помолвку и не возвращается домой. В основу пьесы положен более ранний рассказ, часть сборника «Человеческий зверинец».

Автором перевода из «Томского листка», перепечатанного из газеты «Север», является некоторый И.Л., перевод «Сибирского вестника» выполнен Н.Н. Емельяновым, в его переводе текст сокращен.

«Żabusia» это прозвище главной героини, которое адекватно можно было бы перевести как «Лягушенька». В переводе «Сибирского вестника» название транслитерировано («Жабуся»), и хотя в нем угадывается корень «жаб», оно больше напоминает имя (что подтверждается написанием с заглавной буквы). Перевод прозвища «кошечка» технически сохраняет традицию сборника, где рассказы названы видами животных, разделяя человеческое общество на типы и подчеркивая биологическую, животную природу человеческого поведения.

Переводы во многом схожи, однако финальная реплика героини отличается.

«– Возьми десять грошей, – говорила Жабуся, подавая мужу монету, – иди, теперь твоя очередь… бедный Рак!» [Сибирский вестник, 1892, № 101]

«А вот тебе гривенник, рак, – сказала вдруг кошечка, – ступай, погуляй и ты теперь» [Томский листок, 1896, № 222].

Без последней фразы, «погуляй и ты теперь»/»теперь твоя очередь» звучит как индульгенция, выдаваемая на ответную измену, что скорее подразумевает разрушение института брака как такового. Сочувствие, которое выражает мужу героиня в первом переводе – это некоторое руководство для читателей: в этом рассказе следует сопереживать мужу Жабуси, так как женщина его обманывает. Этот вариант ближе к оригиналу:

«Masz dziesięć groszy — wołała Żabusia, dając mężowi monetę — idź, zabaw się ty teraz... biedny... Raku!»

Рассказ может быть интерпретирован как обличение лицемерия, прогнившей мещанской морали, супружеской измены, что согласуется с программой областничества, посредством литературы стремящейся воспитывать не только вкус, но и моральные качества аудитории.

Интересен диалог, происходящий после прочтения Жабусей «Мадам Бовари» – она говорит мужу, что поведение изменяющей женщины – подло, даже если муж наивен и позволяет обманывать себя. Она уверяет своего мужа, что верна ему, но, тем не менее, после этого диалога уходит на встречу

с любовником, с которым, кажется, не собирается расставаться. В какой-то мере этот фрагмент дискредитирует моральную силу слова, место литературы как наставника человечества, что вступает в противоречие с программой областников, видевших в словесной культуре края залог его морального благополучия.

Пьеса «Их было четверо» в постановке театра «Буфф», тоже повествующая об адюльтере, вызывает восторг у критика Родриго [Сибирская жизнь, 1909, № 102]. Такими словами он пересказывает одну из сцен представления: «Пошлая, вульгарная, ясно обличающая глупость любовников, сцена ни одной минуты не вызывает смеха, т.к. за глупыми словами и поцелуями любовников зритель всё время чувствует трагедию мужа и ребёнка». Муж и ребёнок – лица, которым сочувствует автор рецензии, и пьеса эта опять функционирует в качестве дидактической, назидательной драмы: «Остается от души пожелать, чтобы эта талантливая пьеса ещё не раз собрала массу зрителей, которые вынесут из неё так много поучительного».

Произведения Г. Запольской не так популярны у русских провинциальных читателей, как тексты её современниц, вероятно из-за натуралистического, откровенного характера её прозы. Тем не менее, её рассказы и пьесы находят свою аудиторию за счет близости моральным и религиозным установкам, психологической глубине и мастерству писательницы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования была проанализирована центральная критическая и издательская рецепция рассказов Сенкевича в России. С рассказов начинается издание Сенкевича в России, большую роль в этом играют журналы и газеты дореволюционного периода, однако точную хронологию этого процесса еще предстоит установить. После нескольких разрозненных сборников рассказы начинают входить в собрания сочинений писателя как доказательство многогранности его мастерства. После революции рассказы Сенкевича печатаются в основном с адресацией юному читателю. Ситуация меняется во второй половине века, когда всё больше рассказов Сенкевича входят в печать, пусть и с должной идеологической критикой. Результатом послевоенного возвращения к Сенкевичу становятся собрания сочинений, выходившие в 1980х-1990х годах, подводящие некоторые итоги в русском освоении Сенкевича.

В сибирской дореволюционной периодике Сенкевич представлен рассказами «Lux in tenebris lucet», «Szkice węglem», «Две долины», «Будь благословенна!», «На Олимпе». Выбраны не самые распространённые в центральной печати рассказы, из чего можно сделать вывод, что сибирская рецепция дополняет центральную, акцентируя внимание на том, что интересно ей. Рецепция Г. Сенкевича в южных губерниях различна: малоросские газеты как либерального, так и консервативного направления, видят в творчестве писателя нездоровые патриотические настроения, которым они противопоставляют всеобщие гуманистические ценности.

Из семи сибирских переводов Г. Сенкевича в данной работе проанализировано четыре: это три перевода «Lux in tenebris lucet» и один – «Szkice węglem».

Первый появившийся в печати перевод «Lux in tenebris lucet» А.С. Станиславского отличается точностью и некоторым упрощением текста для читательской аудитории. Станиславскому важно было отдать должное писателю, как можно вернее передать его талант, угодив читательским

вкусам и открыв, таким образом, дорогу польской литературе в корпусе сибирских дореволюционных переводов.

Второй перевод М.Б. был выполнен по немецкому подстрочнику, отсюда – ориентация переводчика на немецкую культуру, появление в этом тексте особенностей, присущих немецкому корпусу сибирской периодики. Это, например, тяга к романтическим, назидательно-философским произведениям. Образ художника в этом рассказе выходит на первый план, в экспрессивных эпитетах проявляется личное отношение переводчика, но за счет исключения из текста деталей и авторских размышлений, текст перевода теряет в психологической глубине.

Третий перевод А. Горбатовской близок к оригиналу, однако любопытным является обилие интерференции. Можно предположить, что переводчица не так свободно владела одним из рабочих языков.

Важным для программы областничества была дидактическая функция литературы, воспитание читателя, будущих поколений томской интеллигенции. Гуманистический пафос рассказа, некоторый оптимизм Сенкевича, отразившийся в нем, думается, являлись тем, что вело переводчиков к этому тексту.

Перевод рассказа «Эскизы углём» Е.В. Фукс привлекает внимание отсутствием у повести концовки, повествование обрывается, не закончившись. Это, с одной стороны, не позволяет рассказу донести свой основной дидактический посыл, с другой стороны, смещает акцент с пренебрежения своими обязанностями интеллигенции на безразличие власть имущих к человеку в принципе. Представляя проблему повести более универсальной, «Сибирский вестник» приближает польскую крестьянку к читателям и читательницам из Сибири, которым судьба Катерины наверняка напоминала судьбу жён ссыльных, следовавших за своими мужьями. Однако перевод точен в передаче реалий польской крестьянской жизни, что соотносится с программой областников по развитию субэтнической культурной идентичности за счет обогащения словесной культуры.

Следующим этапом стало составление подкорпуса польской женской прозы. Из более четырехсот публикаций, относящихся к польской литературе, семьдесят восемь – рассказы и стихи, написанные женщинами. Такое количество позволяет нам сделать вывод о значимости присутствия польской женской прозы, и углубиться в изучение отдельных персоналий.

Всеми областями польская женская проза ценится за нравственные качества, однако идейные установки разных изданий по-разному отражают творчество писательниц.

Элиза Ожешко по-разному раскрывается в опубликованных в «Киевлянине» рассказах, в которых говорится о любви к ближнему, о самопожертвовании, в то время как «Приазовский край» публикует рассказы, открыто обсуждающие социальные проблемы и говорящие о Январском восстании.

Несмотря на то, что на родине Мария Конопницкая в первую очередь воспринимается как поэтесса, среди семнадцати опубликованных ею текстов только три стихотворения. Томская периодика, руководимая областнической программой по преобразованию края, видела в творчестве Конопницкой гуманистический идеал, критику общества. «Приазовский край» публикует различные произведения Конопницкой, отражающие сильные психологические переживания героев.

Вызывающая проза Габриэли Запольской не пользовалась таким же успехом, как произведения вышеупомянутых писательниц, но, тем не менее, и она нашла своих читателей. Сибирская периодика видит в её рассказах и драмах дидактическую составляющую, «Киевлянин» проникается религиозным духом её рассказов.

В связи с тем, что исследования вопроса о рецепции польской литературы в российской периодике далеко не исчерпывающи, за рамками данной работы во многом остается вопрос о соотношении региональной рецепции женской прозы и рецепции центральной. На него можно будет ответить, охарактеризовав саму центральную рецепцию, что явилось бы

предметом отдельного масштабного исследования. Перспективным нам также кажется исследование полной картины рецепции польской литературы в рамках газет одного региона, или более полный анализ истории эдиционной и критической рецепции одного автора.

ИСТОЧНИКИ

Г. Сенкевич:

1. Сенкевич Г. Эскизы углемъ // Отечественные записки. – 1880. – № 6.
2. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1891. – № 21. – С. 2-3. Подпись: Перевел А. Станиславский
3. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1901. – № 277 (25 декабря). – С. 2. Подпись: М.Б. Художник. Г. Сенхевича (По немецкому тексту).
4. Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1904. – № 133, 140, 143, 147, 152, 156. – С. 3. Подпись: Пер. Е.В. Фукс.
5. Lux in tenebris lucet: (из новелл Сенкевича). // Сибирский наблюдатель. — 1904. — №4 – С. 48-54. Подпись: Анна Горб-ая
6. Sienkiewicz H. Lux in tenebris lucet // Wikiźródła: wolna biblioteka [электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://pl.wikisource.org/wiki/Lux_in_tenebris_lucet (дата обращения: 14.02.2019).
7. Sienkiewicz H. Szkice węglem // Wikiźródła: wolna biblioteka [электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://pl.wikisource.org/wiki/Szkice_w%C4%99glem_(1884) (дата обращения: 24.05.2019).
8. Сенкевич Г. Эскизы углемъ // Отечественные записки. — 1890. — №6 – С. 48-54.
9. Два слова// Сибирский вестник. – 1901. – № 222 (14 октября). – С. 2. Подпись: М.Б.

Элиза Ожешко

1. «Ситечко» Картинка Элизы Оржешко / Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1892. – № 73. – С. 1. Подпись: А. Надежный

2. Далеко. Элизы Ожешко (с польского) // Сибирская жизнь. – 1903. – № 72. – С. 2. Подпись: (Сарат. Дн.)

3. Легенда (Элизы Оржешко*)/ Фельетон// Одесские новости. – 1885. – №215. – С. 2. Подпись: «Заря»

4. Тразея. Рассказ Э. Оржешко // Одесские новости. – 1899. – 2 лист № 4648, 4655. – С. 8-13.

5. Ожешко, Э. Фарфоровая роза // Киевлянин. – 1899 – №56 – С. 2; №57 – С. 2.

6. Ожешко, Э. С глазу на глаз // Киевлянин. – 1899 – №121 – С. 1; №122 – С. 1; №123 – С. 1; №124 – С. 2.

7. Оржешко, Э. Идиллия // Киевлянин. – 1899 – №310 – С. 3; №311 – С. 2; №312 – С. 2.

8. Оржешко, Э. Загадка // Киевлянин. – 1899 – №347 – С. 2; №348 – С. 2; №349. – С. 2; №352 – С. 3.

9. Оржешко, Э. Неисправимый // Киевлянин. – 1900 – №345 – С. 2; №346 – С. 2; №347 – С. 2.

10. Ожешко, Э. Тадеуш // Киевлянин. – 1901 – №99 – С. 2; №100 – С. 2; №101 – С. 2.

11. Ожешко, Э. Тень // Киевлянин. – 1903 – №78 – С. 2; №79 – С. 2; №80 – С. 2; №81 – С. 2.

12. Ожешко, Э. Сказка // Киевлянин. – 1904 – №140 – С. 2.

13. Ожешко, Э. Магон Великий // Киевлянин. – 1905 – №49 – С. 2; №50 – С. 2.

14. Момент (Раз. Э. Оржешко) // Южное обозрение. – 1899. – № 721. – С. 2. Подпись: --

15. Нума Помпилий. Легенда Э. Оржешко // Южное обозрение. – 1899. – № 988. – С. 2. Подпись: Перевод с польского. М.Л. де-Вальден

16. Годовщина. Элиза Оржешко // Южное обозрение. – 1905. – № 2728. – С. 2. Подпись: «Сев. Зап. Слово»

17. Проказник (Рассказ Э. Ожешко) // «Приазовский край». – 1892. – №71. – С. 2.

18. Сказка Элизы Ожешко (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1904. – № 25. – С. 101-104.

19. Из рук в руки. Элизы Ожешко (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1905. – № 43. – С. 176.

20. Фантазия. Элизы Ожешко // Приазовский край. – 1906. – № 9. – С. 2.

21. Слава побежденным. Элиза Ожешко (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1910. – № 21. – С. 81-83.

22. Тары-бары [О патриотизме Сенкевича (упоминается Ожешко)]/ Вчера – сегодня – завтра// Одесские новости – 1893. – № 2608. – С. 3. Подпись: Колокольчик

23. Гуманитарное влияние литературного слова (посвящается Элизе Оржешко) /Маленький фельетон//Одесские новости. – 1895. – № 3174. – С. 3. Подпись: М.М.

24. Литературные очерки [Оржешко, рассказ “Бабушка”]/ Фельетон «Одес. Нов.»// Одесские новости – 1896. – № 3549. – С. 2. Подпись: Старый писатель

25. [О брошюре Элизы Оржешко о женском вопросе] / Журналы и Газеты // Южное обозрение. – 1897. – № 16. – С. 3.

26. [Элиза Ожешко]/Литературный листок// Приазовский край. – 1906. – № 172. – С. 2.

27. Кончина Элизы Оржешко // Приазовский край. – 1910. – № 119. – С. 3.

Мария Конопницкая

1. «Со взломом» В голодный 1891 г. Эскиз Марии Конопницкой / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1893. – № 17 ().

– С. 1. Подпись: Перевел А. С-ский (Вольный перевод с польского из газ. «Край») *)

2. «Христя» Конопницкой / Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1898. – № 138, 141, 147, 151, 152. – С. 2. Подпись: Н……ая

3. «Чернь Цезарю» (“Freski” M. Konopnickiej) / Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1896. – № 216. – С. 2. Подпись: Ив. Северный

4. «Почему?» Марии Конопницкой (перевод с польского) / Маленький фельетон // Сибирский вестник. – 1902. – № 195. – С. 2. Подпись: «Вод»

5. «На рынке» Рассказ М. Конопницкой / Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1903. – № 48. – С. 2. Подпись: «Сев.Зап.Сл»

6. Знакомство // Сибирская жизнь. – 1904. – № 80. – С. 2. Подпись: «Харьк. Л.» Марии Конопницкой (с польского)

7. Конопницкая, М. Призыв [Стихотворение] // Киевлянин. – 1898 – №162. – С. 2. [Переводчик – Н. Глокке]

8. Конопницкая, М. К Земле… На нормандском берегу // Киевлянин. – 1901 – №356 – С. 4.

9. Из Марии Конопницкой // Южное обозрение. – 1898. – 2 лист № 637. – С. 6. Подпись: Перевод М.Р.

10. Почему? Марии Конопницкой (перевод с польского) // Южное обозрение. – 1902. – 2 лист № 1920. – С. 6. Подпись: «Вол.»

11. В дороге. Марии Конопницкой // Южное обозрение. – 1906. – № 3031. – С. 1. Подпись: «Стр.»

12. Бонасева (Марии Конопницкой) // «Приазовский край». – 1892. – №159. – С. 2. Подпись: Л.

13. По книге. Марии Конопницкой / Маленький фельетон // Приазовский край. – 1902. – № 101. – С. 2; № 102. – С. 3.

14. На рынке. М. Конопницкой (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1903. – № 19. – С. 79-80. Подпись: «Харь.Л.»

15. Ануся. Марии Конопницкой (с польского) // Приазовский край. – 1905. – № 252. – С. 2-3.

16. Мои часики. Марии Конопницкой (с польского) // Приазовский край. – 1905. – № 299. – С. 4.

17. Музыканты. Марии Конопницкой / Маленький фельетон // Приазовский край. – 1908. – № 36. – С. 3.

18. «Сенкевич о Конопницкой (с польского) / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1903. – № 19. – С. 2. Подпись: «Рус. Вед.»

19. Литературное обозрение [о Марии Конопницкой и польской л-ре]/ Фельетон «Одес. Нов.»// Одесские новости – 1892. – № 2275. – С. 2. Подпись: П. Герцо-Виноградский

Габриэла Запольская-Яновская

1. «Жабуся» Рассказ Снежко-Завольской (Сокращенный перевод с польского) / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1892. – № 101. – С. 3. Подпись: Н.Н. Емельянов

2. Кошечка // Томский листок. – 1896. – № 222. – С. 2. «Север» Рассказ Г. Запольской (Перевод с польского И.Л.)

3. И остави нам долги наши... Рассказ Габриэли Запольской (Перевод с польского) // Южный телеграф, 1905. № 1032. С. 6-7. («Р.»)

4. Попочка. Запольской (с польского) / Фельетон // Приазовский край. – 1902. – № 196. – С. 3. Подпись: «Тиф.Л.»

5. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня I // Киевлянин. – 1902 – №252 – С. 2-3.

6. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня II // Киевлянин. – 1902 – №303 – С. 2; №306 – С. 2.

7. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня III // Киевлянин. – 1902 – №307 – С. 2; №308 – С. 2.

8. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня IV // Киевлянин. – 1902 – №313 – С. 2-3.

9. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня V // Киевлянин. – 1902 – №327 – С. 2.

10. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня VI // Киевлянин. – 1902 – №337 – С. 2-3.

9. Театр и музыка. «Трагедия глупых людей» Г. Запольский. Южный телеграф, 1908, № 2076, С. 4

10. Театральные вести (Запольская «Фарисеи») // Южный телеграф, 1907. № 1715. С. 3.

11. «Их четверо» трагедия глупых людей Габриэли Запольской / Театр и искусство // Сибирская жизнь. – 1909. – № 102. – С. 4. Подпись: Родриго

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mróz T., Liczebność i struktura społeczno-zawodowa zbiorowości polskiej w Kijowie na przełomie XIX i XX wieku, цит. по. D. Sula, Polacy w Kijowie w latach 1914-1917 // Sprawy Wschodnie – 2004. - № 2-3 (6-7) – С. 107-118.

2. Żwanko L., Polacy na Ukrainie lewobrzeżnej: geneza, symbole tożsamości (XIX–początek XX w.) // EUROPA ORIENTALIS – 2007. -- № 8 – Режим доступа: https://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/EO/article/viewFile/17286/15075 (31.10.19)

3. Адельгейм И. «Сенкевич ближе к нашей литературе…» Вхождение романа «Без догмата» в круг чтения русского читателя // Nowa Panorama Literatury Polskiej [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://nplp.pl/artykul/%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B5%D

0%B2%D0%B8%D1%87-
%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%B6%D0%B5-%D0%BA-
%D0%BD%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%B9-
%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1
%83%D1%80%D0%B5/ (дата обращения: 11.04.2019).

4. Евг. Б. Русско-польские литературные отношения // Неделя – 1885. – №45. – С. 154.

5. Блохин В.Ф., Провинция газетная. Государственное управление периодической печатью и становление печатного дела в российской провинции 1830-е – 1870-е гг / В.Ф. Блохин. – Брянск: «Курсив», 2009. – С. 100-105.

6. Висляк Я., Малецкий А., Г. Д. Польская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1929-1939. Т. 9. – М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. ин-т. «Сов. Энцикл.», 1935. – С. 104-105.

7. Гольцев В.А., Предисловие // Сенкевич Г. Повести и рассказы [электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1
%81%D1%82%D0%B8_%D0%B8_%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81
%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D1%8B_(%D0%A1%D0%B5%D0%BD%
D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87,_1893) (11.04.19)

8. Гомбрович В., Сенкевич Дневник //E-reading: интернет-библиотека [электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.e-reading.club/chapter.php/1037109/218/Gombrovich_-_Dnevnik.html (дата обращения: 14.12.2018).

9. Горбатовский Ю.О., Прощай, читатель! // Забайкальская новь : [ежедн. обществ.-полит., экон. и лит. газ.]. – 1917. – №2755 – С. 1.

10. Горский И.К., Quo Vadis // Исторический роман Сенкевича. – М.: Наука, 1966. – 309 с. – С. 196.

11. Горский И.К., Польская литература // История литератур западных и южных славян: в 3-х тт. Т. 2: Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века — 80-е годы XIX века – М.: «Индрик», 1997, – С. 363-403.

12. Куприн А.И., Генрик Сенкевич // Пёстрая книга: (несобранное и забытое): [сборник] / А. И. Куприн; [сост., вступ. и примеч. Т. А. Каймановой]. — Пенза: [б.и.], 2015 (ОАО «Областной издательский центр») — С. 450-456.

13. Николаенко О., Сравнительный анализ русского и польского женского движения во второй половине XIX–начале XX вв.: историографический обзор // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego –2012 – № 2 (3). – С. 55-70

14. Никонова Н.Е., Аблогина Е.В., Вишнякова Е.А., Серягина Ю.С. Переводы польской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019., – 238 с.

15. Никонова Н.Е., Горенинцева В.Н., Олицкая Д.А., Родченко Ю.И., Аблогина Е.В., Павлова М.В. Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016., – 252 с.

16. Никонова Н.Е., Олицкая Д.А., Горенинцева В.Н., Родченко Ю.И., Аблогина Е.В., Павлова М.В. Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: Хрестоматия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016., – 280 с.

17. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Олицкая Д.А., Горенинцева В.Н., Родченко Ю.И., Аблогина Е.В., Павлова М.В. Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016., – 204 с.

18. Никонова Н.Е., Польская литература на страницах периодики Сибири 1890-1900-х годов // Сибирский филологический журнал – 2018. – №1. – С. 119-133.

19. Никонова Н.Е., Перевод и переводчики в литературной периодике Томска конца XIX века (И. И. Почекас, П. А. Грабовский, А. О. Станиславский и П. Л. Черневич)// Имагология и компаративистика – 2018. – №9. – С. 30-52.

20. Новикова Е.Г., Журнальная, литературная и филологическая деятельность Г.Н. Потанина // Доклады региональных межвузовских «Потанинских чтений», посвященных 160-летию со дня рождения выдающегося ученого-естествоиспытателя, путешественника, общественного деятеля и писателя Григория Николаевича Потанина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995., – С. 31-37.

21. Островский Л.К. Поляки в западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Л.К. Островский. – Новосибирск., 2014. – 39с.

22. Сац И. А. Рассказы и повести Сенкевича // Сенкевич Г. Рассказы и повести [электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://litresp.ru/chitat/ru/C/sac-i-a/rasskazi-i-povesti-senkevicha (03.05.19)

23. Стахеев Б., Генрик Сенкевич // Сенкевич Г. Собрание сочинений в 10 т. –Т. 1. – М., Художественная литература, 1983. – С. 7-40.

24. Суслов А.В. Роль Генрика Сенкевича в формировании польского национального самосознания : автореф. дис. ... к-та ист. наук / А.В. Суслов. – Москва., 2012. – 37 с.

25. Суслов А.В. Исторические романы Генрика Сенкевича в польских общественно-политических дискуссиях начала XXI века // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре – 2016. – №3(107). – С. 45-63.

26. Хантуева Е.А., Зарождение женского движения на польских землях в XIX веке // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия – Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-zhenskogo-dvizheniya-na-polskih-zemlyah-v-xix-v (6.04.2020)

27. Цыбенко Е. Русская литературная критика второй половины XIX – начала XX в. о русско-польских отношениях // Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – С. 83-92.

28. Цыбенко Е. З., Элиза Ожешко // История польской литературы. Т. 1. – М.: «Наука», 1968, – С. 541-536

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение А.

Издания Г. Сенкевича с 1880х по 1990е годы

1. Сенкевич Г. Повести и рассказы. – М.: Редакция журнала «Русская мысль», 1893.
2. Сенкевич Г. Полное собрание сочинений Генриха Сенкевича. Т.1. – Киев, Харьков: Южно-русского книгоиздательства Ф. А. Иогансона, 1898-1900.
3. Сенкевич Г. Ангел и другие рассказы. – СПб.: Электропечатня, 1902.
4. Сенкевич Г. Полное собрание сочинений в 6 т. – СПб.: Центральная тип.-литогр. Минкова, 1907.
5. Сенкевич Г. Собрание сочинений в 16 т. Т 1. – М.: Издание Товарищества И.Д. Сытина, 1914.
6. Сенкевич Г. Повести и рассказы (Библиотека для семьи и школы). – М.: Издание «Юной России», 1914.
7. Сенкевич Г. Избранные рассказы для детей школьного возраста. – М.: Кн-во писателей (Серия «Народно-школьная библиотека») 1918.
8. Сенкевич Г. В недрах Африки: (Приключения двух маленьких англичан в степях и лесах Африки). – Ленинград, Москва: Гос. Изд-во, 1925.
9. Сенкевич Г. Янко-музыкант. – М.: Изд. и ф-ка дет. книги Детгиза в М. (Первая б-чка школьника), 1946.
10. Сенкевич Г. Повести и рассказы. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949.
11. Сенкевич Г. Рассказы. – Псков: Псковское газетно-книжное издательство, 1951.
12. Сенкевич Г. Повести и рассказы. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
13. Сенкевич Г. Собрание сочинений в 9т. Т 1. – М.: Художественная литература, 1983-1985 г..

14. Сенкевич Г. Без догмата. Рассказы. – М.: Правда, 1989.

15. Сенкевич Г. Собрание сочинений. В 10 томах. – Ярославль: Нюанс, 1993.

16. Сенкевич Г. Собрание сочинений. В 8 томах. Т 7. – Тула: Арктоус, 1993.

17. Сенкевич Г. Собрание сочинений. В 9 томах. Т 1. – М.: Терра, 1998.

Приложение Б.

Библиографический список польской женской прозы на страницах дореволюционной региональной периодики Российской Империи

1. «Ситечко» Картинка Элизы Оржешко / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1892. – № 73. – С. 1. Подпись: А. Надежный

2. Далеко // Сибирская жизнь. – 1903. – № 72. – С. 2. Подпись: (Сарат. Дн.) Элизы Ожешко (с польского)

3. Легенда (Элизы Оржешко*)/ Фельетон// Одесские новости. – 1885. – №215. – С. 2.

4. Тразея. Рассказ Э. Оржешко // Одесские новости. – 1899. – 2 лист № 4648, 4655. – С. 8-13.

5. Ожешко, Э. Фарфоровая роза // Киевлянин. – 1899 – №56 – С. 2.

Ожешко, Э. Фарфоровая роза // Киевлянин. – 1899 – №57 – С. 2. Окончание.

6. Ожешко, Э. С глазу на глаз // Киевлянин. – 1899 – №121 – С. 1.

Ожешко, Э. С глазу на глаз // Киевлянин. – 1899 – №122 – С. 1. Продолжение.

Ожешко, Э. С глазу на глаз // Киевлянин. – 1899 – №123 – С. 1. Продолжение.

Ожешко, Э. С глазу на глаз // Киевлянин. – 1899 – №124 – С. 2. Окончание.

7. Оржешко, Э. Идиллия // Киевлянин. – 1899 – №310 – С. 3.

Оржешко, Э. Идиллия // Киевлянин. – 1899 – №311 – С. 2. Продолжение.

Оржешко, Э. Идиллия // Киевлянин. – 1899 – №312 – С. 2. Окончание.

8. Оржешко, Э. Загадка // Киевлянин. – 1899 – №347 – С. 2.

Оржешко, Э. Загадка // Киевлянин. – 1899 – №348 – С. 2. Продолжение.

Оржешко, Э. Загадка // Киевлянин. – 1899 – №349 – С. 2. Продолжение.

Оржешко, Э. Загадка // Киевлянин. – 1899 – №352 – С. 3. Окончание.

9. Оржешко, Э. Неисправимый // Киевлянин. – 1900 – №345 – С. 2.

Оржешко, Э. Неисправимый // Киевлянин. – 1900 – №346 – С. 2. Продолжение.

Оржешко, Э. Неисправимый // Киевлянин. – 1900 – №347 – С. 2. Окончание.

10. Ожешко, Э. Тадеуш // Киевлянин. – 1901 – №99 – С. 2.

Ожешко, Э. Тадеуш // Киевлянин. – 1901 – №100 – С. 2. Продолжение.

Ожешко, Э. Тадеуш // Киевлянин. – 1901 – №101 – С. 2. Окончание.

11. Ожешко, Э. Тень // Киевлянин. – 1903 – №78 – С. 2.

Ожешко, Э. Тень // Киевлянин. – 1903 – №79 – С. 2. Продолжение.

Ожешко, Э. Тень // Киевлянин. – 1903 – №80 – С. 2. Продолжение.

Ожешко, Э. Тень // Киевлянин. – 1903 – №81 – С. 2. Окончание.

12. Ожешко, Э. Сказка // Киевлянин. – 1904 – №140 – С. 2.

13. Ожешко, Э. Магон Великий // Киевлянин. – 1905 – №49 – С. 2.

Ожешко, Э. Магон Великий // Киевлянин. – 1905 – №50 – С. 2. Окончание.

14. Момент (Раз. Э. Оржешко) // Южное обозрение. – 1899. – № 721. – С. 2. Подпись: --

15. Кума Помпилий. Легенда Э. Оржешко // Южное обозрение. – 1899. – № 988. – С. 2. Подпись: Перевод с польского. М.Л. де-Вальден

16. Годовщина. Элиза Оржешко // Южное обозрение. - 1905. - № 2728. - С. 2. Подпись: «Сев. Зап. Слово»

17. Проказник (Рассказ Э. Ожешко) // «Приазовский край». – 1892. – №71. – С. 2.

18. Сказка Элизы Ожешко (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1904. – № 25. – С. 101-104.

19. Из рук в руки. Элизы Ожешко (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1905. – № 43. – С. 176.

20. Фантазия. Элизы Ожешко // Приазовский край. – 1906. – № 9. – С. 2.

21. Слава побежденным. Элиза Ожешко (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1910. – № 21. – С. 81-83.

22. «Со взломом. В голодный 1891 г.» Эскиз Марии Конопницкой. / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1893. – № 17 (). – С. 1. Подпись:

23. «Чернь Цезарю» (“Freski” M. Konopnickiej) / Фельетон «Сибирского вестника»//Сибирский вестник. – 1896. – № 216. – С. 2. Подпись: Ив. Северный

24. «Христя» Конопницкой. / Фельетон «Сибирского вестника»//Сибирский вестник. – 1898. – № 138, 141, 147, 151, 152. – С. 2. Подпись: Н……ая

25. «Почему?» Марии Конопницкой (перевод с польского) / Маленький фельетон // Сибирский вестник. – 1902. – № 195. – С. 2. Подпись:

26. «На рынке» Рассказ М. Конопницкой / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1903. – № 48. – С. 2. Подпись: «Сев.Зап.Сл.»

27. Знакомство // Сибирская жизнь. – 1904. – № 80. – С. 2. Подпись: «Харьк. Л.» Марии Конопницкой (с польского)

28. Конопницкая, М. Призыв [Стихотворение] // Киевлянин. – 1898 – №162. – С. 2. [Переводчик – Н. Глокке]

29. Конопницкая, М. К Земле… На нормандском берегу // Киевлянин. – 1901 – №356 – С. 4.

30. Из Марии Конопницкой. 3. Из Виктора Гомулицкого // Южное обозрение. – 1898. – 2 лист № 637. – С. 6. Подпись: Перевод М.Р.

31. Почему? Марии Конопницкой (перевод с польского)// Южное обозрение. - 1902. – 2 лист № 1920. - С. 6. Подпись: «Вол.»

32. В дороге. Марии Конопницкой // Южное обозрение. - 1906. - № 3031. - С. 1. Подпись: «Стр.»

33. По книге. Марии Конопницкой / Маленький фельетон // Приазовский край. – 1902. – № 101. – С. 2; № 102. – С. 3.

34. 3. Юзик Срока (Марии Конопницкой) // «Приазовский край». – 1892. – №142-143. – С.2. Подпись: пер. с польск. Л.

35. Бонасева (Марии Конопницкой) // «Приазовский край». – 1892. - №159. – С. 2. Подпись: Л.

36. На рынке. М. Конопницкой (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1903. – № 19. – С. 79-80. Подпись: «Харь.Л.»

37. Ануся. Марии Конопницкой (с польского) // Приазовский край. – 1905. – № 252. – С. 2-3.

38. Мои часики. Марии Конопницкой (с польского) // Приазовский край. – 1905. – № 299. – С. 4.

39. Музыканты. Марии Конопницкой / Маленький фельетон // Приазовский край. – 1908

40. «Жабуся» Рассказ Снежко-Запольской / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1892. – № 101. – С. 3. Подпись: Н.Н. Емельянов (Сокращенный перевод с польского)

41. Кошечка // Томский листок. – 1896. – № 222. – С. 2. Рассказ Г. Запольской (Перевод с польского И.Л.) * «Север»

42. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня I // Киевлянин. – 1902 – №252 – С. 2-3.

43. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня II // Киевлянин. – 1902 – №303 – С. 2.

44. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня II // Киевлянин. – 1902 – №306 – С. 2. Окончание.

45. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня III // Киевлянин. – 1902 – №307 – С. 2.

46. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня III // Киевлянин. – 1902 – №307 – С. 2. Окончание.

47. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня IV // Киевлянин. – 1902 – №313 – С. 2-3.

48. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня V // Киевлянин. – 1902 – №327 – С. 2.

49. Запольская-Яновская, Г. Молитва Господня VI // Киевлянин. – 1902 – №337 – С. 2-3.

50. Попочка. Запольской (с польского) / Фельетон // Приазовский край. – 1902. – № 196. – С. 3. Подпись: «Тиф.Л.»

51. «Нет!» Цецилии Валевской / Фельетон «Сибирского вестника» // Сибирский вестник. – 1893. – № 132. – С. 3. Подпись: А. С-ский.

52. «Буланжист» Цицилии Валевской (Перевод с польского) / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1894. – № 7. – С. 2. Подпись: Перевел А. С-ский

53. «С караула» (Перевод с польского Ц. Валевской) / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1894. – № 69. – С. 2. Подпись: Перевел А. С-ский

54. «Alma Parens» (сказка Костялковской) / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1894. – № 4. – С. 2. Подпись: Иван Северный

55. «Ради идеи» Ваида Грот-Бенчковская (Перевод с польского для «Сиб. Вестн.») / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1904. – № 204. – С. 2-3. Подпись: Перевел С. Р-ский.

56. «Скрытые силы» Рассказ Остои (Перевод с польского) / Фельетон «Сибирского вестника»// Сибирский вестник. – 1900. – № 10. – С. 2. Подпись: С. А. Г-г

57. Остои Скрытые силы // Киевлянин. – 1898 – №120. – С. 2.

58. Остоя. Под опекой // Киевлянин. – 1899 – №69-72, 75-78, 82, 83. – С. 2.

59. Остои Друзья // Киевлянин. – 1901 – №264 – С. 2.

60. Через боковую дверь // Томский листок. – 1897. – № 93. – С. 2. (С польского) Марии Родзевич *) Киевлян.

61. Родзевич, М. Закрутка // Киевлянин. – 1898 – №223. – С. 1.

Родзевич, М. Закрутка // Киевлянин. – 1898 – №224. – С. 2. Окончание.

62. Родзевич, М. На «Токовань» // Киевлянин. – 1904 – №86 – С. 2-3.

63. Родзевич, М. Нечистая сила // Киевлянин. – 1904 – №270-272. – С. 1.

64. Родзевич, М. Камни // Киевлянин. – 1905 – №14, 15. – С. 2.

65. В сочельник. М. Радзевич // Приазовский край. – 1903. – № 340. – С. 5.

66. Камни (Сказка) Мари Родзевич (с польского) // Приазовский край. – 1905. – № 185. – С. 2.

67. Камни (сказка). Мария Радзевич // Рижский вестник – 1905. - № 157, 159– С. 2. Подпись: с польского перевела Е. (неразборчиво)

68. In questa tomba obscura… (Из сборника Д. Пшебышевской «Kiedi slonce zachodzi») / Маленький фельетон // Одесские новости. – 1904. – № 6305. – С. 5 Подпись: К. Воинов

69. Ненцкая, Г. Обжинки // Киевлянин. – 1898 – №249. – С. 1.

Ненцкая, Г. Обжинки // Киевлянин. – 1898 – №250. – С. 2. Продолжение.

Ненцкая, Г. Обжинки // Киевлянин. – 1898 – №251. – С. 1. Продолжение.

Ненцкая, Г. Обжинки // Киевлянин. – 1898 – №252. – С. 1. Окончание.

70. Цейсингер, Е. Возвращение // Киевлянин. – 1902 – №356 – С. 5-6.

71. Лапинская, А. Жабры // Киевлянин. – 1903 – №354 – С. 3-4.

72. Папроцкая, М. Жемчужины // Киевлянин. – 1904 – №92 – С. 2.

Папроцкая, М. Жемчужины // Киевлянин. – 1904 – №95 – С. 2. Продолжение.

Папроцкая, М. Жемчужины // Киевлянин. – 1904 – №97 – С. 2. Продолжение.

Папроцкая, М. Жемчужины // Киевлянин. – 1904 – №98 – С. 2. Окончание.

73. Мои грёзы. А. Зайковской (с польского) // Приазовский край. – 1902. – № 131. – С. 3. Подпись: А. Е-вич.

74. Выслушанная молитва. А. Зайковской (с польского) / Маленький фельетон // Приазовский край. – 1902. – № 135. – С. 4. Подпись: А. Е-вич

75. В школьных стенах. Рассказ Анны Нейман (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1903. – № 35. – С. 143-144.

76. Первое предложение (О. Вольбрука) с немецкого? // «Приазовский край». — 1897. — №12. — С. 2.

77. 22. Горемыки (Эскиз Ольги Вольбрук) // «Приазовский край». — 1897. — №221. — С. 2. Подпись: Е. Ф.

78. Забудь. Софьи Навровской (с польского) // Приложение к газете «Приазовский край». – 1904. – № 29. – С. 117-118. Подпись: N.

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: tomwho@mail.ru / ID: 5841118
Проверяющий: (tomwho@mail.ru / ID: 5841118)
Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- http://users.antiplagiat.ru

Информация о документе

№ документа: 2
Начало загрузки: 15.06.2020 11:33:11
Длительность загрузки: 00:00:03
Имя исходного файла: Беккерман_вкр.pdf
Название документа: Беккерман_вкр
Размер текста: 1 кБ
Символов в тексте: 129229
Слов в тексте: 16394
Число предложений: 1834

Информация об отчете

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 15.06.2020 11:33:14
Длительность проверки: 00:00:11
Комментарии: не указано
Модули поиска: Модуль поиска Интернет

Create PDF in your applications with the Pdfcrowd HTML to PDF API PDFCROWD

Заимствования

9,74%

Самоцитирования

0%

Цитирования

0%

Оригинальность

90,26%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.

Самоцитирования — доля фрагментов текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника, автором или соавтором которого является автор проверяемого документа, по отношению к общему объему документа.

Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в

Create PDF in your applications with the Pdfcrowd HTML to PDF API PDFCROWD

источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, самоцитирования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	2,39%	2,52%	http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000660261/SOURCE1 (1/2)	http://vital.lib.tsu.ru	18 Ноя 2019	Модуль поиска Интернет	21	24
[02]	0,82%	1,53%	http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000644247/SOURCE1	http://vital.lib.tsu.ru	18 Ноя 2019	Модуль поиска Интернет	11	17
[03]	0,25%	1,36%	Сравнительный анализ русского и польского женского движения во второй половине XIX–начале XX вв.: историографический обзор Comparative analysis of the Russian and Polish women's movements in the second half of XIX–beginning of XX centuries	https://ceeol.com	10 Окт 2019	Модуль поиска Интернет	2	8

Еще источников:17
Еще заимствований:6,28%

Внимание! Вы покидаете сайт по внешней ссылке .

Мы не несем ответственности за содержимое данной внешней ссылки и настоятельно рекомендуем не указывать никаких своих данных, особенно e-mail, пароль и cookies, на сторонних сайтах.

Если у Вас нет серьезных оснований доверять этому сайту, не переходите по данной ссылке.

Create PDF in your applications with the Pdfcrowd HTML to PDF API PDFCROWD

Create PDF in your applications with the Pdfcrowd HTML to PDF API PDFCROWD